Орфей и Ника

Автор:
Андрей Валентинов

Орфей и Ника

Андрей Валентинов

Око силыОко Силы. Вторая трилогия. 1937–1938 годы #3

Москва, Китай, Тибет. Интриги НКВД и НКГБ. Таинственные научные эксперименты. Утомительные походы и отчаянные сражения. Чего же добиваются люди и нелюди, правящие огромной страной? Всемирной Революции или чего-то еще более ужасного? И найдутся ли силы, способные им противостоять?

Андрей Валентинов

Орфей и Ника

Око Силы. Вторая трилогия

1937–1938 годы

Книга шестая

Глава 1. Детектор лжи

Гранит казался теплым. Апрельское солнце нагрело камень, и можно было без страха прислониться к высокому парапету бесконечной набережной, наблюдая за неслышным течением широкой реки. День выпал на славу – ясный, безоблачный. Над рекой деловито кружили птицы, где-то неподалеку играл духовой оркестр, воздух был свеж и чист…

Человек, стоявший у гранитного парапета, дернул плечами и запахнул пальто. День был теплым, но холод шел изнутри, от самого сердца. Вначале казалось, что к этому можно привыкнуть. Январь, февраль, март… Он был болен уже больше трех месяцев. Человек еще раз окинул взглядом реку. Внезапно показалось, что он уже бывал здесь, именно на этом месте. Только показалось. Январь, февраль, март – все, что он помнил. Дальше начиналась пустота.

«Сколько мне лет?» На мгновенье он испугался, но память, которая теперь – с января – работала безукоризненно, тут же подсказала. Ему двадцать пять. День рождения – 15 февраля, место рождения – город Харьков…

Человек огляделся, бросив взгляд на фланирующие по набережной парочки. Зря он вышел в город! Лучше всего было запереться в номере, взять рижское издание Уоллеса, купленное на прошлой неделе на толкучке возле площади Мира, и проваляться на диване весь день. А можно вообще не читать, а просто лежать неподвижно, закрыв глаза и завесив окна шторами. Так ему становилось легче, даже холод куда-то исчезал…

«Не раскисать!» – прошептал он, словно заклинание. Не раскисать! Он болен, он потерял память, но врачи обещают, что это ненадолго, все снова вернется. Он вспомнит. Он обязательно вспомнит! А пока – не раскисать, работать, заново заучивать собственную биографию… 15 февраля, город Харьков, семья рабочего-металлиста, отец погиб на деникинском фронте в 1919-м, мать умерла через два года, беспризорник, колония имени Дзержинского… Внезапно вновь почудилось, что он помнит эту набережную, эту неспешно текущую реку и даже холод – такой знакомый, привычный. Да, тогда было холодно, он шел по набережной, так же подняв воротник пальто, ему было плохо… Может, уже тогда он был болен?

Человек вынул папиросу, покрутил в пальцах, бросил. Почему он курит? Может в той, другой жизни, он был заядлым курильщиком, и теперь это последнее, что осталось от него, настоящего?

Взгляд на часы – времени более чем достаточно. Можно пройтись по набережной, там дальше ЦПКО, за ним – Нескучный сад, где можно спокойно посидеть на лавочке, выпить газированной воды с мандариновым сиропом… Да, это он помнил. Он бывал здесь. Если пройти по набережной, справа будет Крымский мост, дальше – новый парк, названный именем классика пролетарской литературы. Откуда-то из неведомых глубин всплыли факты – холодные, бесстрастные. Такое было уже не впервые. Он хорошо помнил уйгурский язык, но только из собственной биографии узнал, что служил несколько лет в Средней Азии. Да, он помнил уйгурский и узбекский, то и дело всплывали китайские слова, но это было не свое – чужое, принадлежавшее кому-то, исчезнувшие без следа…

…И тут он почувствовал страх. Не собственный – чужой. Кто-то стоял рядом, и этот «кто-то»…

…Странная способность ощущать эмоции не подвела. Неизвестный стоял в двух шагах, очевидно подойдя со стороны ближайшего переулка. Чернявый невысокий парень лет двадцати двух.

– Товарищ… товарищ старший лейтенант!

Слова прозвучали неуверенно, неизвестный сам испугался сказанного. Надо отвечать. Это был шанс – тот шанс, ради которого он и вышел сегодня на улицы Столицы.

– Здравствуйте!

Он попытался улыбнуться, но что-то вышло не так – парень растерянно моргнул.

– Извините… Я это… ошибся…

Нет, не ошибся! Они были знакомы. К нему обратились по званию, а ведь он в штатском!..

– Погодите! Мы с вами были?..

Он осекся. «Были!» Так нельзя!

– Нет. Извините, товарищ!.. Вы просто похожи…

Парень уже пятился, пытаясь скорее уйти. Почему он боится? Не выходца же с того света встретил!

Человек вздохнул, собираясь с силами.

– Я… Я Павленко Сергей Павлович, работник НКГБ. Несколько месяцев назад я получил травму, был ранен. Не помню, что было со мной до января 38-го. Полная амнезия… Если мы с вами встречались, то скажите, я вас… Я вас очень прошу!

Парень молчал, лицо стало хмурым, губы сжались, побелели. Он не верил – но не уходил.

– Амнезия… А… А разве так бывает, товарищ старший лейтенант?

«Госбезопасности» добавлено не было. Случайно? Или чернявый был знаком именно со старшим лейтенантом? Когда же его успели повысить в звании?

Человек подумал и достал удостоверение.

– Вот, прошу! Старший лейтенант госбезопасности… То есть, майор Ленинградского управления НКГБ Павленко. Командировочное предписание показать?

– Ну, это… Не надо, товарищ майор…

Парень вздохнул и достал из внутреннего кармана красную книжечку. Выходит, они были не просто знакомы!..

– Старший лейтенант Прохор Карабаев. Главное управление НКВД.

Удостоверение он смотреть не стал. Старший лейтенант говорил правду, в этом не было сомнений. Значит, они служили в одном наркомате?

– А насчет потери памяти… К сожалению, бывает. Я не помню ничего. Врач сказал, что, если удастся поговорить с теми, кто меня знал раньше…

Теперь темные глаза Карабаева смотрели в упор – недобро и недоверчиво.

– Прошу прощения, товарищ майор! Я это… Действительно обознался. Вы немного похожи на моего… то есть, на одного сотрудника Главного управления. Он исчез в ноябре 37-го. Но я ошибся…

Нет, старший лейтенант не ошибся – просто не хотел говорить. Кажется, он вообще жалел, что затеял эту беседу.

– Ну хорошо… На кого я похож? Надеюсь, это не тайна?

Чернявый быстро оглянулся и пожал плечами:

– Вообще-то тайна. Но раз вы из НКГБ, товарищ майор… Вы немного похожи на врага народа Сергея Павловича Пустельгу. Только вы не очень похожи. У вас глаза другие. И голос…

Карабаев говорил вполне убедительно, но майор верил своим ощущениям. Чернявый явно не сомневался, кто перед ним. Вот оно, значит, что! Пустельга Сергей Павлович, старший лейтенант Главного управления НКВД, а ныне – враг народа. Пустельга – не Павленко! Он еще удивлялся, отчего это отчество совпадает с фамилией!

– И что такого совершил этот Пустельга?

– Да враг он, товарищ майор, – вздохнул чернявый. – Саботировал ход расследования, оказался замешан в уголовном преступлении. Скрылся…

Вот те на! Хорошенькая же у него биография! Но что-то было не так. Кажется, старший лейтенант Карабаев не особо верит в злодейства бывшего сослуживца.

– Вот, товарищ майор.

…Сложенное вчетверо стандартное объявление о розыске – из тех, что рассылаются Большим Домом по всем областям. Все верно – Пустельга Сергей Павлович, бывший сотрудник Главного управления. Снимок был сделан давно, а может, он, майор Павленко, успел здорово постареть за эти месяцы…

Пальцы дрогнули. Теперь сомнений не было. Итак, старший лейтенант Пустельга, враг народа, которого разыскивают по всему Союзу.

– Здесь… Здесь сказано об особых приметах…

В горле стало сухо, слова прозвучали сдавлено, еле слышно.

– Ага, – Карабаев глядел куда-то в сторону. – Шрам на шее, слева. Я-то этого шрама и не помню. Наверное, в последние дни…

– Хотите посмотреть? – рука уже расстегивала ворот пальто.

– Нет, не надо, – старший лейтенант по-прежнему смотрел мимо. – Вы же меня все равно не помните!..

Все стало на свои места. Парень ему не верил. Да и как в такое поверишь? Его сослуживец исчез почти полгода назад, а теперь появился под другой фамилией да еще с удостоверением НКГБ!.. Стоп! Значит, саботировал ход расследования?..

– К сожалению, не помню, Прохор…

Услыхав свое имя, чернявый дернулся, повернулся, но тут же отвел взгляд.

– …Но, кажется, начинаю понимать! Скажите, расследование, которое мы с вами вели, было очень важным?

– Ну…

– Ясно!

Потрясение ушло, голова работала четко, камешки разбитой мозаики начали складываться воедино.

– Ясно, Прохор! Итак, в конце прошлого года вы… мы вели какое-то важное расследование. А важное расследование всегда кому-то мешает, особенно тем, кого ищут. Как я понимаю я… Пустельга был старшим?

Карабаев молча кивнул.

– Ну вот… Старший лейтенант Пустельга внезапно исчезает и уже задним числом его объявляют врагом народа. Расследование сорвано, да? Я прихожу в себя в больничной палате в одном из госпиталей Ленинграда. Мне говорят, что я майор Павленко, дают учить собственную биографию… Кстати, Пустельга из Харькова? Служил в Средней Азии?

– А говорите, не помните!

Кажется, чернявый все еще не верил.

– К сожалению. Уйгурский язык помню, а где и как служил – нет! Меня лечат и направляют в Ленинградское управление НКГБ. Другой город, другой наркомат… Даже биографию почти не поменяли – только фамилию. В Столицу не пускали до поры до времени, ждали, наверное, пока все утрясется. Логично?

Карабаев молчал, и майор ответил сам.

– Нет, нелогично, Прохор! Совсем нелогично! Зачем госбезопасности понадобился какой-то Пустельга? Да сейчас таких пачками к стенке ставят! Об этом думаете, да?

Вновь пожатие плеч. Впрочем, слов не требовалось.

– Ответ совсем простой, Прохор. Не знаю, что было со мною раньше, но сейчас у меня обнаружилась странная способность. Я чувствую людей – страшно им или весело, а главное, говорят ли они правду. Представляете, насколько это важно во время следствия?

Взгляд Карабаева изменился. Знал? Да, знал!..

– Так точно, товарищ майор! Михаил… Один наш бывший сотрудник, говорил, что вы… То есть, старший лейтенант Пустельга, умел по фотографии определять…

– Жив человек или мертв, – кивнул майор. – Теперь поняли? Нельзя было меня к стенке ставить! Просто отшибли память и посадили работать, как какой-то детектор лжи… А заодно и сорвали вам операцию. Вот и все!

– А вы не курили раньше, товарищ старший лейтенант, – вздохнул Карабаев. – И глаза не такие. Другие…

Странно, Прохор уже второй раз упомянул о глазах. Что в них могло измениться?

– Вы сказали о каком-то бывшем сотруднике – Михаиле. Кто он?

– Трое нас в группе было, товарищ майор, – неохотно ответил Прохор. – Вы, я и капитан Ахилло. Пропал он, почти сразу после вас… Эх, товарищ майор, чего они с вами сделали?

На этот раз чернявый говорил искренно, в голосе чувствовались горечь и жалость. Майор покачал головой:

– Выходит, сделали. Голос, глаза… Что еще?

– Да говорите вы совсем по-другому. Будто старше стали лет на десять. И слова у вас какие-то… не такие.

Сказано было не особо ясно, но майор понял. Очевидно, старший лейтенант Пустельга говорил как-то попроще, да и не столь уверенно. Впрочем, чему удивляться, ведь он, майор Павленко, – не последний человек в Ленинградском управлении, к тому же – незаменимый специалист!

– Ладно, Прохор. Постарел – так постарел, что поделаешь… Значит, нас в группе было трое. Не спрашиваю, чем мы занимались…

Намек был ясен, но Карабаев пропустил его мимо ушей.

– С вами, вижу, все в полном порядке.

– Ага, третий «кубарь» кинули…

– А что случилось с капитаном Ахилло? Он, как я понял, не был арестован?

– Не могу знать, товарищ майор! – отчеканил чернявый. – Исчез он. И говорить о нем не велено.

Не требовалось каких-то особых способностей, чтобы понять – Прохор, конечно, знает, но не желает рассказывать. Логично! В конце концов, вся эта история в глазах чернявого могла быть хорошо спланированной провокацией. Оба они служат не в «Красном Кресте»!

– Хорошо. Как мне вас найти?

Майор почему-то думал, что Прохор затруднится с ответом, но старший лейтенант тут же назвал свой адрес – он жил в одном из общежитий Главного управления, – а заодно и служебный телефон. Собственно, почему бы и нет? Скрывать ему нечего – ни от своего подозрительного начальства, ни от любопытных из «лазоревого» стана.

– Может, еще увидимся…

Майор спрятал блокнот, куда записал адрес, и бросил взгляд на Карабаева. Тот казался невозмутимым, но нетрудно было понять, что это – лишь маска. Старший лейтенант еле сдерживался чтобы не заговорить. О чем? Что знал чернявый? Чем занимался он сам, бывший старший лейтенант Главного управления?

– Спасибо, Прохор, – майор протянул руку. – Вы первый, кто мне сумел помочь. По крайней мере, теперь знаю, кем был…

– Да чего там! – чернявый коснулся его ладони, и чуть не вскрикнул: – Рука! У вас рука…

Ах да! Он и забыл об этом. После выхода из больницы майор старался избегать рукопожатий.

– Что, холодная? Извините, Прохор, запамятовал. У меня сейчас обычная температура – 35 и 9. Увы!..

Теперь Прохор вновь смотрел на него с плохо скрытым страхом.

– Вы, это, выздоравливайте, товарищ майор. Чего же врачи – не помогают?

– Обещают помочь.

…Он знал, что на ощупь его рука холодна, как у трупа.

– Ну я пошел, товарищ майор…

Чернявый быстро кивнул, и майор вдруг подумал, что у Прохора такой вид, будто он действительно простился с покойником.

– Погодите, старший лейтенант! Скажите, когда мы вместе служили… Мы… не ссорились?

– Нет, – на губах Карабаева мелькнула грустная улыбка. – Товарищ старший лейтенант Пустельга… Он был… То есть… Извините, товарищ майор!

Карабаев вновь кивнул и быстро пошел обратно, в сторону переулка. Последняя фраза ударила больно: «был»! Для Прохора Карабаева Сергей Пустельга мертв…

Майор отвернулся, бездумно глядя на равнодушную серую гладь реки. Вот он и узнал – даже больше, чем надеялся. Никакой он не Павленко, и напрасно он запоминал свою фамилию, которую и сочинили-то явно второпях. Пустельга Сергей Павлович, бывший работник НКВД, с которым что-то случилось в ноябре прошлого, от рождества Христова 1937 года…

«Не раскисать!» – повторил он, наверное, в тысяча первый раз. В любом случае он жив, не потерял разум, а значит, способен не просто выполнять очередные приказы руководства. Майор вдруг представил, что он входит в Большой Дом на Лубянке, предъявляет удостоверение и направляется прямо… ну, хотя бы в кабинет Николая, то есть народного комиссара внудел Николая Ивановича Ежова. Интересно, что будет в этом случае? Он подумал и понял – ничего. Скорее всего, внимательно изучат удостоверение, попросят немного подождать, перезвонят в НКГБ, а затем отпустят подобру-поздорову. А может, и звонить никуда не станут. К майору Павленко у НКВД нет претензий, а то что он немного похож на сгинувшего врага народа Пустельгу, – невелика беда! В Ленинграде майор много раз заходил в управление НКВД, и никто даже глазом не моргнул, хотя объявления о розыске туда поступали регулярно. Пустельга исчез, остался не помнящий родства Сергей Павленко, незаменимый специалист, живой детектор лжи…

Майор бросил последний взгляд на реку и не спеша направился дальше, по направлению к ЦПКО. Надо было погулять, подышать воздухом, а вечером предстояла работа, из-за которой его и вызвали в Столицу. Кому-то на самом верху понадобился автомат, умело сортирующий правду и ложь, чувствующий любые колебания подследственных и даже способный определить, далеко ли находится сбежавший из ГУЛАГа враг народа. Этим вечером он вновь будет решать чью-то судьбу – безошибочный детектор, способный разоблачить самого великого актера. И это все, что осталось ему, Сергею Пустельге? Даже те, кто сгинул в лагерях, перед смертью имели возможность вспомнить свою жизнь, друзей, близких. Он был лишен и этого. Что ж, кое-что ему все же осталось. Хотя бы узнать – и о себе, и о других. Итак, в группе их было трое. Двое сгинули, остался лишь чернявый Прохор, который не верит сотруднику НКГБ Павленко. Что ж, оставалось надеяться на следующую встречу…

Майор достал папиросы, привычным движением смял картонный мундштук и вдруг вспомнил слова Карабаева. Старший лейтенант Пустельга не курил. Ну и правильно! Сергей усмехнулся и швырнул пачку прямо в реку.

Вечером его никто не потревожил, и майор успел прочитать половину томика Уоллеса, прежде чем в дверь номера постучали. Была уже глухая ночь – часы показывали половину второго. Это не очень смутило, допросы часто проводились в эту пору. Удивило другое – машина с опущенными шторками на окнах ехала очень долго. Значит, его везут не на Лубянку и не в наркомат госбезопасности?

Интересно, куда? Впрочем, вопросы задавать было некому. Сопровождающие, крепкие ребята в штатском, казались глухими и немыми.

…Дверца открылась, и он оказался в полутемном подземном гараже. Тут уж стало совсем любопытно: такого гаража не было даже в центральном управлении НКГБ, куда он заезжал утром по приезде. Где это может быть? Штаб округа? Но встречавшие его были в штатском – такие же вежливые, молчаливые, похожие друг на друга словно близнецы.

Длинный пустой коридор, караульный у двери и, наконец, маленькая комнатка, стол, два стула. Еще одна странность – здесь не было света. Темнота не смущала Сергея, напротив, ночью он ощущал себя бодрее, чем днем. Но почему здесь нет ни одной лампочки? Или тот, с кем придется говорить, имеет совиные глаза?

Ждать почти не пришлось. Дверь бесшумно растворилась, пропуская высокую, чуть сутулую фигуру. Темнота не позволяла увидеть детали, но Сергею показалось, что на незнакомце надет широкий плащ.

Майор поспешил встать.

– Здравствуйте, Сергей Павлович! – неизвестный задержался у порога, словно пытаясь рассмотреть в темноте своего гостя.

– Здравия желаю!

Человек в плаще кивнул, подошел ближе.

– Иванов. Садитесь, Сергей Павлович.

Теперь они оказались почти рядом, и Сергей понял, что не ошибся – Иванов был в плаще, более того, голову покрывал капюшон, мешавший разглядеть лицо даже в полутьме. А вот голос показался приятным – спокойным, доброжелательным.

– Да, – проговорил человек в плаще после минутного молчания. – Здорово они вас!.. Как сейчас себя чувствуете?

– Нормально, товарищ Иванов!

Уставная бодрость не скрыла растерянности. Выходит, они уже были знакомы?

– Да, вы сильно изменились, Сергей Павлович! Что такое «нормально» в вашем положении, могу догадаться. Постоянный холод, светобоязнь, сильная слабость на рассвете…

– Н-ничего, товарищ Иванов. Мне сказали, что это пройдет.

– Будем надеяться… Чтобы снять лишние вопросы, скажу сразу. Мы были знакомы еще до вашей болезни. Более того, ваши способности позволили установить одну важную деталь… Очень важную… Я смог уговорить начальство повысить вас в звании, так сказать, минуя одну ступеньку – прошлой осенью вы были старшим лейтенантом. Да, еще одно… Вам, наверное, небезразлично, от чьего имени я действую. Иванов – фамилия, как известно, популярная. Так вот, я помощник товарища Сталина. Как вы когда-то выразились – его псевдоним.

Сергей кивнул, рассчитывая, что Иванов неплохо видит в темноте. Что-либо ответить он пока не мог, слишком много пришлось узнать за эти минуты. Все действительно становилось на свои места. Интересно, знает ли товарищ Иванов, что его бывший знакомец Пустельга – беглый враг народа?

– Насколько я знаю, Сергей Павлович, ваши способности, несмотря на болезнь, нисколько не уменьшились. Ленинградские товарищи готовы носить вас на руках. Но вы нужны здесь. Для начала вы поможете мне выполнить одно поручение товарища Сталина. Сейчас я буду разговаривать с очень любопытным человеком. Вы будете присутствовать – незаметно. Вам нет необходимости видеть того, кого вы, так сказать, рентгенируете?

– Нет, мне главное слышать голос.

Поручение товарища Сталина… Подобного Сергей не ожидал. В таких верхах парить опасно! Кажется, тот, прежний Пустельга, ощутил это на собственной шкуре.

– Хорошо. Записывать разговор не надо, его зафиксируют на магнитофонной ленте. Ваша задача – слушать и следить, когда этот человек начнет лгать. И еще… Мне важно его общее состояние: волнуется ли он, боится. В общем, постарайтесь. Излишне напоминать о том, что все содержание разговора является государственной тайной.

– Излишне, – вздохнул Сергей. – Я постараюсь.

– Не сомневаюсь. А потом мы с вами побеседуем… Ну, пора!

Его провели за штору, в маленькую комнатушку, скрытую ложным окном. Здесь был стул и даже небольшой столик. Оставалось присесть и ждать. Сергей уже понял, что допрос предстоит необычный, вернее совсем даже не допрос. Это место не походило на кабинет следователя, да и товарищ Иванов явно не занимался подобными мелочами. Интересно, во время их прошлых встреч он тоже скрывал лицо под капюшоном? Но дело было не только в капюшоне.

…Точно! Сергей невольно пот со лба. Как же он сразу не догадался? Он легко чувствовал эмоции собеседника, даже случайного прохожего на улице. Но за весь их разговор, майору не удалось заметить даже тени того, что ощущал человек в плаще, словно товарищ Иванов был не живым существом, а говорящей статуей…

– Прошу вас, Николай Андреевич. Надеюсь, вы тут разберетесь, что к чему. Не обессудьте, у нас темно.

– Бастует электростанция?

Ага, началось! Сергей прислушался. Голос товарища Иванова был все тем же – доброжелательным, спокойным. А вот тот, второй, кого он называл Николаем Андреевичем, явно волновался, хотя и не подавал виду.

– Бастуют? – послышался смех. – Нет, думаю, товарищ Каганович такого не допустит. Так, по-моему, спокойнее. Даже если кто-то вмонтировал подслушивающее устройство, без электричества оно не сработает… Знаете, мы с вами давно не виделись, Николай Андреевич!

– Шесть лет.

Голос прозвучал холодно и даже недружелюбно. Впрочем, товарищ Иванов, похоже, не заметил.

– Неужели так много? Ай-яй-яй! Ну да, конечно, тогда у нас с вами состоялся не очень приятный разговор по поводу одного товарища… Впрочем, дело давнее, бог с ним. Увы, наша нынешняя беседа тоже не обещает быть легкой. Трудный вы человек, Николай Андреевич!

– Неужели?

…Сергей чувствовал, что собеседник Иванова еле сдерживает себя. Но теперь это было не волнение, а гнев, даже ярость.

– Да, вы трудный человек. Сотрудники наркомата жалуются, никому спуску не даете. Нельзя так с кадрами, Николай Андреевич! Кадры требуют бережного к себе отношения, они – наш золотой фонд!..

– Почему вы расстреляли Рютина?

Вопрос был настолько неожиданным, что Сергей невольно вздрогнул. Наступила тишина.

– А почему вы спрашиваете именно о Рютине? – Иванов заговорил по-прежнему мягко, словно речь шла о какой-то житейской мелочи. – Почему вы не спросите о Зиновьеве, о Ягоде, о Тухачевском или хотя бы о вашем дружке Бухарине?

– Потому что вы дали слово. Здесь, в этом кабинете. Шесть лет назад.

– Ах вот оно что!

Вновь наступила тишина. Сергей не знал, что и думать. Николай Андреевич предъявлял счет помощнику самого товарища Сталина – и за что!

– Ну что ж, раз вы заговорили о Рютине… Я мог бы сослаться на тысячу причин, Николай Андреевич. Но назову главную – Рютин наш враг. За эти годы он не

изменился и не собирался меняться. Впрочем, речь пойдет не о нем. Вы, кажется, решили обвинить меня в нарушении слова, Николай Андреевич? Я знаю, вы очень смелый человек. Но вы – очень неблагодарный человек. Я расстрелял мерзавца Рютина, но спас кое-кого другого – вашего брата, например, его семью…

– А скольких не спасли?

Майору стало холодно – и это был не привычный холод, который мучил его уже четвертый месяц. Кто эти люди? Если Иванов действует от имени Сталина, то от чьего имени говорит Николай Андреевич? Он что, самоубийца?

– Не надо, Николай Андреевич! Мы не будем вести с вами общеполитическую дискуссии. Речь пойдет о другом. Начну издалека, хочу кое-что напомнить. Сразу же после окончания XIII съезда состоялось секретное заседание ЦК. Причем, на нем присутствовали лишь «старики», так называемых рабочих от станка, принятых туда по совету покойного Вождя, как вы помните, не пригласили. Как кто-то тогда выразился, эти товарищи были не столько от станка, сколько из-под бильярда… Оба мы с вами там присутствовали…

– Что-то не припомню. Или вы были без капюшона?

Странно, но Николай Андреевич, похоже, не опасался товарища Иванова. Сергей ощущал его страх, но бывший рютинец боялся чего-то другого…

– Конечно, я был без капюшона! Итак, разговор начал Зиновьев, он ведь тогда лез в вожди. Этакий красный Галифе, герой Питера! Знаете, Николай Андреевич, когда его потащили на распыл, он держался несколько иначе… Ну вот, товарищ Евсей, как вы помните, прочитал целый доклад, смысл которого заключался в том, что межпартийная борьба неизбежно приведет к Термидору, а следовательно, к гильотине. А значит, руководство партии уже сейчас должно позаботиться о создании надежного укрытия для партийных кадров. Если память мне не изменяет, идея всем неожиданно понравилась…

– Не всем, – кажется, Николай Андреевич усмехнулся. – Троцкий был против.

– Ну, что вы хотите от Иудушки? Он видите, ли считал, что гильотина останется сухой. Этакий идеалист!.. Решение, как вам известно, было принято

единогласно, но с важной поправкой. Напомните, Николай Андреевич, с какой?

Голос Иванова стал мягким, вкрадчивым, каким-то кошачьим.

– Поправка Сталина. Каждый, кто уходит в убежище, навсегда отказывается от всякой политической деятельности. Кроме того, права убежища лишаются по специальному решению Политбюро.

– Совершенно верно…

– …И пункт третий. Центральный Комитет не берет на себя обязательства защищать убежище от тайной полиции.

– Запомнили? – товарищ Иванов хихикнул. – Да, «тайная полиция» – прозвучало не очень удачно. Феликс даже обиделся… Ну что ж, в таком случае я имею основание обвинить вас, как ответственного за убежище, в нарушение пункта первого поправки. Пояснить?

– Поясните!

Внешне ничего не изменилось, но Сергей чувствовал, что гость весь напрягся. Кажется, именно этого он и ждал.

– К чему, Николай Андреевич? Вы же прекрасно все понимаете. К вам пришел посланец Семена Богораза, а вы вместо того, чтобы указать ему на дверь, свели его с этим… Чижиковым. Надеюсь, вы не собираетесь этого отрицать?

– Не собираюсь.

…Облегчение – невиданное, невероятное. Значит, не это его волновало? Получается, Николай Андреевич нарушил пункт первый поправки не один раз, и данное нарушение – не из самых страшных!

– Отпираться действительно не имеет смысла. Чижиков – конспиратор опытный, но кое-кто из его присных излишне болтлив… Итак, вы нарушили условие, Николай Андреевич. Теперь я имею полное право сделать из этого соответствующие выводы.

– Попробуйте!

И снова – молчание. Сергей пытался представить, что делают эти двое. Стоят, глядя друг другу в глаза? Или сидят с внешне равнодушным видом, может, даже улыбаются?

– Эх, Николай Андреевич! – в голосе Иванова промелькнула нотка сочувствия. – Кого вы защищаете? Беглых крыс? Трусов? Конечно, ваша система защиты надолго задержит ребят Ежова, но вы-то уйти не успеете! Ни вы, ни ваша семья. Я еще тогда не понимал, почему вы взяли на себя это поручение?

– Я выполнял приказ партии.

– Э-э-э, бросьте! Приказа не было. Эту работенку предложили пятерым членам ЦК, и все отказались. Никому не хотелось возглавлять подполье в собственной стране. Уже тогда, после смерти Феликса, могли сгоряча и к стенке поставить, а уж сейчас… Вас что, Чижиков уговорил? Да он же трус! Троцкий, тот хоть не боится, книжонки пописывает. Даже Бухарин – на что слюнтяй, и то не захотел прятаться в нору! Знаете, что он сказал мне перед смертью? Что его смерть нужнее партии, чем жизнь! Кого вы спасаете, Николай Андреевич?

– Людей, товарищ Иванов.

Сергей перестал вслушиваться в ощущения собеседников. Иванов по-прежнему казался каменной статуей, с Николаем Андреевичем все уже было ясно. Кажется, он надеялся выйти из этой комнаты победителем. Лишь однажды Сергей почувствовал слабину, но разговор благополучно миновал этот риф.

– Значит, спасаете людей? Что я слышу? Бывший комиссар Стальной дивизии впадает во внеклассовый гуманизм! Как интересно! Давно хочу понять, почему такие, как вы – Смирнов, Ломинадзе, тот же ваш Рютин – выступаете против политики партии?

– Мы не выступаем против политики партии.

– Ах да, вы лишь против некоторых крайностей… Не надо! Вы что, думаете, можно построить какой-нибудь другой социализм? Хороший?

– Да. Без коллективизации, лагерей и Ежова.

Сергею стало не по себе. Рютин и Смирнов были обвинены в шпионаже и вредительстве, а дело, выходит, совсем в другом?

– Хорошая формула! А что вы думали во время гражданской? Где был ваш гуманизм, Николай Андреевич? Разве лагеря изобрел Ежов? Разве вы не ставили к стенке заложников в 18-м? Или тогда вам это нравилось?

– Нет. Не нравилось. Мы надеялись, что эта кровь – последняя, иначе незачем было все начинать. И мы думали, что гильотина останется сухой!

– Ах вот как!.. – голос Иванова потерял обычное добродушие, в нем слышался злой сарказм. – С этого бы и начинали, Николай Андреевич! Кажется, я понял. Можно расстреливать всех, но не товарищей по партии. А я обвинил вас в гуманизме! Беру свои слова назад. Ладно…

И снова пауза. Кажется, товарищ Иванов решил слегка потомить своего собеседника.

– Итожим… Я запрещаю вам всякие контакты с людьми Богораза. Всякие! Пусть Чижиков отсиживается в своей норе, но не пытается вести внешнюю политику. Второе: я не буду выдавать вас ищейкам Ежова, но и пальцем не пошевельну, если они выйдут на ваш след! Третье, и для вас самое главное. Если я узнаю, что вы мне лжете, то вы и ваша семья немедленно попадете в подвалы Большого Дома со всеми вытекающими последствиями. Вы поняли?

– А в письменном виде можно?

Сергею показалось, что Иванов все-таки не сдержится. Ему вдруг стало страшно за Николая Андреевича. Он что, считает себя бессмертным? Или думает, что наступление – лучший вид обороны?

– В письменном? – послышался негромкий смех. – Вы так привыкли к бюрократии? Если хотите, можем провести это решением Политбюро, когда Ежов куда-нибудь отлучится. Он-то вашего юмора не поймет!.. И, наконец, четвертое… Вы что, думаете, мне и всем остальным так по душе эти наши

методы? Ежов – и тот не выдерживает, пьет горькую, сволочь, после каждого допроса, протрезвить не можем! И, знаете, в чем наша ошибка? Кого мы переоценили?

Пауза… Молчал Николай Андреевич, молчал его всесильный собеседник. Сергей напряженно ждал, что будет дальше. Выходит, и на самом верху признают, что допустили ошибку? Значит, там тоже ошибаются? И не в мелочах, не в тактике…

– Мы переоценили людей! Помните, как изящно выразился столь любимый вами Троцкий: «злые бесхвостые обезьяны»? Так вот, эти злые бесхвостые обезьяны оказались не столь подготовленными к собственному будущему, как хотелось. Сопротивление идет даже не на уровне разума, заговорили инстинкты! И вот приходится пасти жезлом железным и заодно давить тех, кто этому мешает. Вот и вся истина, Николай Андреевич. А истина может нравится, может не нравиться – но от этого не перестает быть таковой… Кстати, как там ваш дружок – товарищ Косухин? Процветает в царстве Богораза?

– Разрешите не отвечать?

Сергей перевел дух. Главное сказано, теперь речь идет о каких-то мелочах. «Злые бесхвостые обезьяны»!.. Выражение показалось омерзительным. Но ведь товарищ Иванов, похоже, согласен с Иудушкой?

– Можете не отвечать, Николай Андреевич, – голос Иванова стал скучным и невыразительным. – Во всяком случае, вы получили ответ на запрос в ЦК по поводу вашего дружка. Кстати, он вырастил очень шкодливого наследника. Впрочем, это уже мое дело… Очень приятно было побеседовать, Николай Андреевич!

– Взаимно, товарищ Агасфер.

Агасфер? Сергей даже привстал. Выходит, Иванов – вовсе не Иванов? Впрочем, «Агасфер» – наверняка партийная кличка.

– А мне место в убежище вы приготовили?

Это была, очевидно, шутка, но Николай Андреевич ответил очень серьезно:

– Как и всем членам партии. А что, уже пора?

Стукнула дверь. Сергей откинулся на спинку стула. Слава Богу, кончилось! В голове мелькали обрывки услышанных только что фраз, в висках звенела кровь, и, казалось, сил не хватит даже на то, чтобы выйти из тайника. За крупицу того, что он слышал, люди пропадали без следа. Впрочем, бояться уже поздно, да и некогда…

– Выходите, Сергей Павлович.

Майор заставил себя встать и откинуть тяжелую портьеру. Иванов сидел за столом, чуть сгорбившись, в темноте его фигура походила на неровное черное пятно. Почему он даже здесь не снимает капюшона? Или – мелькнула нелепая мысль – там, под капюшоном, просто ничего нет?

– Садитесь…

– Есть!

Сергей начал приходить в себя. Он на работе, сейчас предстоит отчет – дело обычное, даже рутинное.

– Курите, Сергей Павлович. Здесь пепельница.

Курить и в самом деле хотелось, и майор пожалел, что так безжалостно поступил со своими папиросами. Но не просить же закурить у товарища Иванова!

– Спасибо. Решил бросить.

– Правда? А вы знаете, это хорошо. Те, кто болен той же болезнью, что и вы, сильно курят. Что-то вроде защитной реакции, хотя и весьма своеобразной. Выходит, ваши дела идут на поправку!

Болезнь? Но ведь у него амнезия, полученная в результате травмы головы? Впрочем, в последнем Сергей начал сомневаться еще в Ленинграде. Ему

переливали кровь, брали пробы костного мозга. Какая уж тут травма!

– Ну, обменяемся впечатлениями? Или вам надо прийти в себя? Разговор, признаться, вышел трудный.

Сергей вздохнул.

– Я готов. Разрешите?

Майор вспомнил обычную порядок доклада: общая оценка личности, настроение в начале допроса…

– Объект… Николай Андреевич пришел сюда хорошо подготовленным. Во всяком случае, почти не боялся. Он, вообще, очень уверенный в себе человек. Вас, если не ошибаюсь, недолюбливает.

– Есть немного, – Иванов негромко рассмеялся. – Когда он особо проявил свои эмоции по отношению к моей скромной персоне?

– Когда вы говорили о Рютине. Потом напряжение разговора росло, он начал волноваться, особенно когда речь пошла о нарушении постановления ЦК.

– Поправки, – тихо подсказал собеседник. – Пункта первого поправки.

– Да, извините.

И тут майор понял, что сейчас должен выдать незнакомого подпольщика. Мысль об этом показалась отчего-то омерзительной. Но ведь его и пригласили для этого! Он эксперт!

– Товарищ Иванов, этот человек ждал какого-то другого обвинения. Не в связях с Богоразом. Услыхав о Богоразе и об этом… Чижикове, он сразу успокоился.

– Значит, грешен… – Иванов помолчал. – Ай-яй-яй! А нас еще, Сергей Павлович, обвиняют в отсутствии гуманизма! Знаете, я тоже почувствовал это и, если помните, предостерег… Что ж, наши наблюдения совпадают. Считайте, что этот небольшой экзамен вы вполне выдержали. А теперь о другом, но тоже очень

важном. Сергей Павлович, вы уже поняли, что с вами случилось?

Вопрос был неожиданным. Солгать? Подождать, пока ему объяснят? Однако, Сергей уже начал понимать, что товарищ Иванов не хуже его самого умеет читать в чужих душах.

– Сегодня вы решили погулять по Столице, хотя вам и не рекомендовалось. Вы профессионал, мы не стали устанавливать за вами наблюдения, да и зачем? Все равно, если вы решили что-то узнать – то узнаете. Как я понял, погуляли вы с пользой.

Что было делать? Отрицать очевидное нелепо. Но признаться – значит выдать чернявого Карабаева!..

– Могу, скажем так, предположить. Просто предположить… Вы встретили кого-то из старых знакомых. В наркомат, насколько я знаю, не заходили, там все были предупреждены.

Сергей закусил губу. Неужели они проконтролировали встречу на набережной? Или даже подстроили? Но ведь Прохор не играл!..

– Итак, вы узнали свою настоящую фамилию?

– Да.

Роли переменились. Теперь ему приходилось отвечать, а человек в плаще внимательно вслушивался в каждое слово.

– Место работы, должность?

– Да.

– Причины того, что с вами произошло?

– Нет… Не до конца.

Иванов подумал, а затем решительно кивнул:

– Чем раньше, тем лучше! Хотя, пожалуй, раньше об этом говорить не стоило, ваша психика и так серьезно пострадала. То, что вы в розыске, тоже знаете? В таком случае вам пока лучше оставаться майором Павленко – в ваших собственных интересах… Ни я, ни Ежов не имели отношения к тому, что с вами произошло. Причина другая… Догадались?

Ответить «нет»? Нельзя, нельзя!..

– Я… Я был сотрудником главного управления НКВД. Возможно, возглавлял специальную группу…

– Верно, – перебил Иванов. – Вы руководили группой, выполнявшей важное задание правительства. Но существовало другое, так сказать, учреждение, которое решило оспорить лавры Ежова. Уточнять не надо?

Уточнений не требовалось. Он служил в НКВД и стал на дороге «лазоревым».

– Вас, скорее всего, просто прикончили бы или подбросили компрометирующий материал, что, в общем, одно и то же. Но о ваших способностях знали. Один, достаточно влиятельный, работник НКГБ захотел иметь в своем распоряжении такого незаменимого специалиста. Остальное было не так сложно…

Сергей кивнул. Выходит, он обо всем догадался сам. Почти обо всем… Жаль, Иванов не назвал фамилию этого «влиятельного»!

– Когда вы исчезли, кое-кто из окружения Ежова предпочел объявить вас врагом и преступником. Вы можете спросить, почему не вмешался я? Вмешался, Сергей Павлович! Вы оказались не у того, кто так обошелся с вами, а в ленинградском госпитале. Большего сделать нельзя, мог бы начаться слишком большой шум. НКВД и госбезопасность и так на ножах.

Это было тоже понятно. Майор вздохнул:

– И все-таки, товарищ Иванов… Что со мной сделали?

– Об этом лучше спросить у врача. Поэтому, Сергей Павлович, вы завтра же ложитесь в клинику. В этом, собственно, и состоит то задание, ради которого я приказал вас вызвать.

Глава 2. Номер сорок третий

За эти месяцы Сергей успел привыкнуть к больничному быту. Весь январь он пролежал в госпитале, а затем каждые две недели приходилось являться на процедуры и анализы. Белые халаты успели надоесть, но майор понимал, что без этого не обойтись. Он болен, выбирать не из чего. Значит, еще одна больница…

Его отвезли туда этой же ночью. Осматривать не стали, переодели в новенький серый халат и поместили в небольшую палату на четвертом этаже. Спать не хотелось, и Сергей потратил остаток ночи для того, чтобы как следует осмотреться.

…Палата для двоих, но одна койка предусмотрительно вынесена. Микрофон где-нибудь за зеркалом. Стены недавно выкрашены, мебель – только что с фабрики, да и вся больница новенькая, словно с иголочки…

Майор уже знал, что находится в одном из самых лучших лечебных заведений Столицы. Больница находилась не в самом городе, а в нескольких километрах южнее. Из окна можно было разглядеть темные пятна рощиц, пересекаемые широкой, блестевшей в лунном свете, рекой. Небольшой балкон, куда вела дверь, решетки, запирающиеся на ночь… Решетки выглядели надежно, но Сергей, не удержавшись, проверил. Да, не открыть! Все, как ему и объяснили.

Под утро он все-таки уснул. Товарищ Иванов не ошибся, на рассвете Сергей чувствовал себя особенно слабым. В такое время лучше всего было спать. Странно, но за эти месяцы он еще ни разу не видел снов. Просто мрак, безымянная чернота…

День прошел скучно, хотя и оказался наполнен событиями. После обхода Сергея долго водили по кабинетам. Снова, как и в Ленинграде, бесконечные анализы,

расспросы, сочувственные кивки. Товарищ Иванов обещал, что здесь ему смогут помочь, но в это верилось слабо. Правда, тут никто не удивлялся его болезни и не заводил речь и о мифической травме. Кажется, майор был здесь не первым с такой странной формой амнезии. Впрочем, суета не мешала думать. Он – не только больной. И даже не столько…

…В одной из палат, неподалеку от палаты Сергея, помещен особо опасный государственный преступник – умный, опасный, а главное, знающий некую тайну, представляющую огромный интерес для обороны страны. Вернее, знавший: несколько месяцев назад он потерял память…

Совпадение сразу же насторожило. Конечно, Сергей – майор НКГБ, а неизвестный сосед – зэк, доставленный сюда прямо из мест заключения, но ведь и сам Пустельга находится в розыске! Однако роли уже распределены: он – гончий пес, преступник – волк. Задание важное, срочное но, в общем, не особо сложное.

Трудности были чисто технические. Зэк знал, кто он такой, к тому же, палата, естественно, охранялась. Прямой допрос мог не дать результатов – преступник отказывался отвечать, ссылаясь на потерю памяти. Значит, следовало организовать встречу между двумя собратьями по несчастью. Помогли все те решетки: имея ключ от них, можно легко переходить с балкона на балкон. Несколько дней назад одна из медицинских сестер, якобы случайно, оставила связку ключей так, чтобы обитатель охраняемой палаты имел возможность ими завладеть. Сделано все было, конечно, по-дилетантски, но преступник не имел оперативного опыта, и все сработало с первого же раза. К тому же, ключи искали, медсестра со слезами ходила по палатам, охрана расспрашивала больных. Так что выглядело все вполне достоверно.

В первую ночь зэк выжидал, но уже на следующую вышел на балкон, начав свое первое путешествие. Бежать не пытался, зато обошел всех ближних и дальних соседей, пытаясь завязать знакомства. Так продолжалось три дня, а на четвертый в палату, находившуюся рядом с той, где обитал потерявший память, поместили нового больного – майора Сергея Павленко.

Итак, задание не из сложных, но что-то с самого начала не понравилось Сергею. И это «что-то» было очевидным. Преступник – такой же больной, как и он сам. Но майора ожидала благодарность, может, даже награда, а неизвестного зэка, в лучшем случае, пожизненное заключение в стенах больницы, а скорее всего –

Колыма, где он быстро превратится в лагерную пыль. Конечно, он – опасный враг, но те, что искали пропавшего Пустельгу, тоже считали его врагом народа! А что будет дальше? Товарищ Иванов действует по приказу Сталина, а у Вождя могут быть свои соображения по поводу сохранения государственных тайн. То, что миндальничать с каким-то подозрительным майором, вдобавок живущим под чужой фамилией, не станут, Сергей не сомневался. Достаточно просто позвонить дежурному в Большом Доме и сообщить, где находится беглый враг народа Пустельга. Возможно, это произойдет не сейчас, а через месяц, в крайнем случае через год, если, конечно, странная болезнь не добьет его раньше. Итак, больной охотится за больным. Враг разоблачает врага…

Вечером, когда за рощами медленно гасли последние лучи солнца, Сергею стало легче. Темнота несла с собой бодрость, холод немного отпускал, и происходящее начинало казаться не таким безнадежным. Он выкрутится! Пса пускают за волком… А если пес и волк… Да, если пес и волк поищут себе более полезное занятие, чем рвать друг друга на чужую потеху?

Время тянулось медленно, но Пустельга не спешил. Это была удача: тихая ночь, темная комната, кровать – и много, очень много свободного времени. Очень кстати! Любое дело следовало тщательно продумать. Если верить собственной биографии, когда-то Сергей Пустельга был неплохим оперативником. Не пора ли применить навыки для личной пользы?..

…Легкий стук. Сергей быстро взглянул на светящийся циферблат наручных часов. Начало второго… Началось!

Стучали в балконную дверь. Сквозь стекло можно было разглядеть чей-то темный силуэт. Стук повторился… Майор усмехнулся, вскочил и быстро подошел к двери. Неизвестный стоял на балконе, на нем был такой же серый халат, а на голове нечто, напоминающее берет. Разумно – апрельская ночь не баловала теплом.

– Гостей принимаете?

Голос показался приятным и даже веселым. Сергей кивнул и открыл дверь.

– Добрый вечер! – неизвестный вошел в комнату, быстро огляделся, протянул руку: – Позвольте отрекомендоваться: ваш сосед, палата номер 43. Чтобы короче – просто Сорок Третий.

– Сорок Первый, – принимая правила игры, представился майор, запоздало подумав о том, что его рукопожатие будет плохой рекомендацией. Однако Сорок Третий, казалось, не обратил внимания на то, что так смутило Прохора Карабаева. Рукопожатие было крепким, рука – теплой, даже горячей.

– Ну как, сидим? – Сорок Третий усмехнулся, продолжая разглядывать палату.

– Сидим, – согласился Сергей. – Кстати, присаживайтесь.

– Благодарствую… А вас недурно устроили, уважаемый Сорок Первый. Одиночка – прямо как у меня!.. Надеюсь мой визит вас не слишком обеспокоил. Не удержался – вы же новенький, вдобавок мой сосед и, так сказать, собрат по несчастью. Тот же диагноз, а это почти то же самое, что сесть по одинаковой статье.

– Юморок же у вас!

Зэк ему понравился, Сорок Третий явно не терялся даже в подобной ситуации.

– В самый раз, – не согласился гость. – Под петлей и шутки висельные. Впрочем, прошу прощения. Вы, быть может, пребываете в состоянии мрачной хандры? Или желаете слегка побуйствовать?

– Ни в коем случае! – Сергей невольно улыбнулся. – Просто вы появились… несколько неожиданно.

– Но вы не спали, – быстро отреагировал Сорок Третий, и майор понял, что зэк не только умен, но и наблюдателен. – Бессонница или плохо спится на новом месте?

– Вероятно, и то, и другое, – Пустельга понял, что надо переходить в наступление. – А откуда вам стало известно про мою… статью?

– А-а-а! Для пациента подобного заведения вопрос весьма разумен. Узнал просто: мой лечащий врач, милейшая Любовь Леонтьевна, мне очень сострадает и развлекает всякими новостями этого скорбного дома.

– Лечащий врач? – Сергей вспомнил тех, с кем довелось общаться прошлым днем. – Такая симпатичная девушка, высокая, немного длинноносая, со шрамом на правой щеке?

– Ну вот, только и заметили, что длинный нос и шрам, – покачал головой Сорок Третий. – Между прочим, она здесь чуть ли не единственная, кто действительно сочувствует нам, грешным. Остальные – все больше по долгу службы. А нас, спятивших, не обмануть: сразу ясно, для кого ты человек, а для кого – кролик. Ну вот, узнать было просто, но любопытство мое еще более выросло, когда я увидел, что вы, уважаемый Сорок Первый, оказались в одиночке. У вас, я вижу, даже вторую койку вынесли!

Майор мысленно обозвал тех, кто готовил операцию, идиотами. Ну, конечно, в палатах больные помещались по четверо, в крайнем случае по двое! Хоть бы койку оставили…

– Но ведь вы тоже в одиночке?

– Да. Именно что в одиночке, да еще с двумя молодыми людьми за дверью, правда, как выяснилось, не особо бдительными. Но у меня особый случай. Я, уважаемый Сорок Первый, в некотором роде злодей. Не испугались?

– Нет, – вздохнул Сергей. – Еще не вижу повода. Надеюсь, вы не старушку-процентщицу прикончили?

Сорок Третий негромко засмеялся, а затем достал из кармана халата пачку папирос.

– Вы не возражаете? Вообще-то, можно выйти на балкон, но там сегодня на диво прохладно…

– Нет, – заторопился майор. – Потом проветрим… Разрешите и мне, что-то потянуло.

– Прошу…

Щелкнула зажигалка. За короткие секунды, пока они по очереди прикуривали, Сергей постарался лучше рассмотреть соседа. Сорок Третий был старше его лет на десять, а выглядел еще старше: худое, изможденное лицо, залысины, глубокие складки возле губ. Похоже, зэку довелось немало перенести, прежде чем он попал в отдельную палату на четвертом этаже. Лишь глаза оставались молодыми – веселыми и очень внимательными.

– Так вот, насчет старушки, – глубоко затянувшись, продолжал зэк. – Старушек не изводил, зато у меня 58-я с каким-то скверным хвостом. «Четвертак» в зубы. Отсюда и такое внимание – отдельная палата, да еще с охраной. Таких, как я, тут еще двое, но оба не на нашем этаже. Есть, правда, одиночки без охраны, вроде вашей, но там сидят люди почтенные, свихнувшиеся на строительстве социализма. Стало быть, вы?..

– Свихнулся на строительстве социализма, – охотно подтвердил Сергей.

– Ага! На большого начальника не похожи, значит, инженер или конструктор?..

– Нет… – Сергей помолчал секунду, а затем решился. – Я старший лейтенант госбезопасности, по обычному счету – майор.

– Да ну! – зэк даже привстал. – Вот так встреча! Но вас-то за что? То есть, извините, а вы-то каким образом умудрились с катушек съехать?

– Честно?

– Если желаете, – усмешка погасла, глаза зэка смотрели строго и внимательно.

– Не знаю.

– Ясно, – Сорок Третий помолчал, затем пожал плечами. – А в общем, забавно! Почему мне о моем прошлом почти не рассказывают, понять можно – чтобы ненароком не спятил окончательно. А что же вам о ваших… подвигах не рассказывают?

– Чтобы ненароком не спятил окончательно, – нашел в себе силы усмехнуться Сергей. Сорок Третий удивленно поднял голову:

– Вы что, действительно так думаете?

– Да, – кивнул майор и вдруг понял, что говорит правду.

– Тогда понятно! – протянул гость. – С такими-то мыслями!.. Ну ничего, вылечат, вспомните о славном прошлом, снова станете на боевую вахту… Да, прелюбопытно! Где еще можно встретиться в такой непринужденной обстановке? Но все-таки не очень понятно. Меня держат здесь не потому что я болен. Чтобы валить лес, уважаемый Сорок Первый, памяти не требуется. Просто они вбили себе в голову…

Зэк не закончил мысль, Сергей же не стал настаивать. Зачем торопить, когда человек сам желает выговориться?

– Вы хотите спросить, что мешает мне работать? – подхватил он. – Вообще-то говоря, оперативник без памяти не очень-то полезен. Но главное не в этом, товарищ Сорок Третий…

– Гражданин Сорок Третий, – спокойно поправил зэк.

– Гражданин Сорок Третий… Дело в том, что я действительно болен. Вначале меня уверяли, что это все последствия травмы, но… Рукопожатие вас не смутило? У меня температура ниже обычной на целый градус. Про иные мелочи не говорю.

– Ого, – зэк произнес это без особого выражения, просто констатируя факт. – Здорово это вас! Мне-то жаловаться нечего: здоровье – хоть сейчас в Нарым или куда вы нас, грешных, направляете? Не помню ничего, да, может, это и к лучшему в моем положении… Хотя нет, вру!

Он негромко засмеялся.

– Ни отца, ни матери припомнить не могу, зато могу прочитать вам любую оду Горация – на выбор. Когда я их успел выучить? И древнегреческий помню, и

английский… Чушь, правда?

– Слова появляются словно неоткуда, они какие-то чужие, – негромко добавил Пустельга.

Сорок Третий резко повернулся:

– У вас тоже? Словно кто-то подсказывает, но вы знаете, что это – уже не ваше. Словно тот, кто ушел, оставил кое-что из багажа.

Сравнение понравилось. Кое-что из багажа… Куда же ушел тот, кому багаж принадлежал?

– Знаете, – вновь рассмеялся зэк. – Мне это напоминает милую беседу грабителя с домовладельцем. Помните О. Генри?

Американского классика Сергей перечитывал недавно, в феврале, когда в очередной раз лежал в госпитале.

– Там, кажется, предлагали лечиться мочой молодого поросенка?

– В этом роде, – Сорок Третий встал и расправил плечи. – Чего-то спать потянуло, пора на воздух… Ну, мочой поросенка меня не пользовали, но все прочее применяли. Ваши коллеги, были весьма навязчивы. Правда, обошлось без выбитых зубов. Пока, во всяком случае…

Майор отвернулся, боясь спугнуть разговорившегося врага народа.

– Добро бы еще явки какие-нибудь узнать хотели! Так нет, подавай им каких-то дхаров. Слыхали?

– Небольшой народ, жил где-то на Урале…

Отрицать не стоило, зэк неплохо различал ложь – едва ли хуже самого Сергея.

– И вы знаете? А я вот нет. Хотя, если верить товарищам, то есть, прошу прощения, гражданам, с Лубянки, я был чуть ли не главным специалистом в стране по этим самым дхарам. Ну хоть убей не помню! Ни языка, ни истории, ни заклинаний этих дурацких. Я им латинские заклинания предложил – не хотят… Ладно, пойду!

Зэк шагнул поближе и протянул руку. Сергей нерешительно посмотрел на свою неживую ладонь, но Сорок Третий улыбнулся и крепко ее пожал.

– Не падайте духом, гражданин Сорок Первый! Я завтра еще загляну, не возражаете?

– Нет, конечно! – Пустельга вскочил и запахнул халат. – Я… провожу вас.

– Вы крайне любезны.

Они вышли на балкон, и майор плотно закрыл дверь. Теперь микрофоны были не опасны.

– Холодно, правда? – Сорок Третий поежился. – А ведь скоро Пасха… Впрочем, вы-то, конечно, атеист.

– Не знаю…

Сергею бросил взгляд на пустынный ряд балконов, а затем осторожно положил руку на плечо соседа. Тот обернулся.

– Тише! Я не все сказал, товарищ Сорок Третий…

Зэк, кажется, вновь хотел ввернуть про «гражданина», но сдержался.

– Я здесь… не просто больной.

Сорок Третий удивленно пожал плечами:

– Вы что? Получили приказ за врачами следить?

– Да не за врачами! – вздохнул майор. – За вами! Наша встреча подстроена, ключи вам подброшены. Теперь ясно?

Зэк замер. Складка у рта на миг дрогнула, затем губы скривились усмешкой.

– Ну, субчики! Но какого черта?

– Я должен определить, в самом ли деле у вас амнезия. Я – эксперт.

– Вот как… – Сорок Третий дернул плечами и посмотрел вниз, на темные кроны деревьев. – Вы что, вроде ясновидящего?

– Да. Я улавливаю эмоции. Живой детектор.

Оба замолчали. Вокруг стояла тишина, лишь где-то далеко слышался крик ночной птицы.

– А я-то думал, зачем мне бороться с нашей родной советской властью? – негромко проговорил наконец Сорок Третий. – Ну что, определили?

– Да… У вас почти полная потеря памяти. Ни дхарского языка, ни дхарских заклинаний вы не помните.

– Спасибо, – зэк покачал головой. – Хорошо, хоть не ошиблись, а то забили бы раба божьего до смерти, и без всякого толку для дела диктатуры пролетариата! А спросить можно? Если б я действительно симулировал. Выдали бы?

Проще всего было ответить «нет», но Пустельга невольно задумался. Лгать не хотелось.

– Скорее всего, сказал бы правду. В общем, выдал бы…

– Ну, благодарю за откровенность!

Зэк махнул рукой и быстро перебрался на соседний балкон. Майор проводил его взглядом и повернул обратно, в теплую палату. Только сейчас он понял, как

замерз. Апрельская ночь и вправду была холодна.

Сергей ждал вызова к товарищу Иванову, однако следующий день прошел совершенно безмятежно. Вновь анализы, процедуры, беседы с врачами. Майору, наконец, и самому стало интересно. Кое-что походило на знакомый ленинградский госпиталь, но некоторые вещи насторожили. С ним беседовал психиатр, причем долго и крайне вежливо, как и следовало разговаривать с тяжелобольным. Смутила не сама встреча, все-таки он находился, как ни крути, в лечебнице, обеспокоили вопросы. Улыбающийся медик интересовался отношениями больного к курам, уткам, спрашивал о кулинарных вкусах. Любой ответ вызывал радостную усмешку, которая в конце концов довела Сергея почти до бешенства. Куры, утки, любимые сорта мяса, прожаренные и непрожаренные бифштексы – что за этим крылось? Впрочем, подследственные очень часто тоже не могли разобраться в совершенно нелепых на первый взгляд вопросах. Но нитка цеплялась за нитку, и к концу допроса самые искренние ответы арестованного без труда подтверждали его вину.

…Интересно, в чем вина Сорок Третьего? Майор сразу понял, что зэк явно из «бывших», знает латынь, держится, несмотря ни на что, с немалым достоинством… А что если бы этому врагу народа, когда он очнулся в больнице, не стали говорить о том, кто он на самом деле? Сообщили бы, к примеру, что он… сотрудник НКГБ? Изменился бы человек? Превратился бы волк в ищейку? Кто знает? Ему, бывшему старшему лейтенанту Пустельге, почему-то не хотели рассказывать о его последнем задании. Из-за секретности? Или… Или из-за того, что тогда произошло нечто, после чего он… действительно стал врагом народа? Не вымышленным, не безвинной жертвой – настоящим!

Мысль вначале испугала, а затем показалась весьма правдоподобной. Собственная биография теперь виделась совсем иначе. Кто был тот, исчезнувший Пустельга? Отец-большевик, несколько лет бродяжничества, колония имени Дзержинского… Почему он стал чекистом? Насколько искренне хотел им быть? Средняя Азия – что он там делал? Что увидел? Майор помнил свежие сводки по Туркестану: бои на Памире, куда большевикам не было ходу еще с начала 20-х, аресты мусульманского духовенства и местной интеллигенции, «эксцессы» представителей власти, многие из которых в свое время успешно сменили басмаческий маузер на партийный билет. Каким вернулся оттуда Пустельга? Почти все ташкентское управление НКВД сменилось, старый состав «вычищен»… И наконец, Столица. Пустельга

занимался чем-то действительно важным. Что он искал? Почему исчез капитан Михаил Ахилло? А что если они успели узнать нечто, заставившее изменить прежние убеждения? Да и что нынешний Сергей знал об убеждениях того, кем был раньше? Узнать бы, что в самом деле случилось с их группой! Нет, не дадут! В лучшем случае оставят здесь лечиться, чтобы время от времени использовать его странный дар. Если, конечно, у товарища Иванова не появятся другие планы…

Майор с нетерпением ждал ночи. Придет ли Сорок Третий? Должен! Сергей представил себе, что должен чувствовать этот человек. Несколько месяцев одиночки, взаперти, с охраной у входа. И вдруг – свобода, возможность темной тенью скользить по пустынным балконам, встречаться с людьми… Так что зэк наверняка завернет на огонек. Правда, Сергею уже нет нужды что-либо узнавать, но хотелось просто встретиться… а заодно подкинуть Сорок Третьему некую идею, над которой майор думал весь вечер.

В балконную дверь постучали около полуночи. Сергей был уже одет, решив разговаривать с гостем только на свежем воздухе. Все дальше от чужих ушей!

– Все-таки пришли?

– А вы бы – нет? – Сорок Третий быстро пожал майору руку и оглянулся. – Вроде, спокойно… А ваши где спрятаны? Внизу, под кустами?

– Наверное, – рассмеялся Сергей. – Пусть мерзнут, мешать не будут.

– Ну и ладно… – зэк помолчал, а затем неожиданно осведомился: – Хотите, свожу к специалисту? Как раз по вашему профилю?

– К врачу? Но меня и так целый день обследовали! Кстати, вы правы, Любовь Леонтьевна – душевный человек.

– Ага, разглядели! – хмыкнул зэк. – А то – шрам, длинный нос!..

– У нее очень странный акцент. Еле заметный, но если прислушаться…

Сорок Третий пожал плечами:

– Это у вас, уважаемый Сорок Первый, мания преследования! Хотя я тоже заметил… – он усмехнулся. – Нет, не скажу, а то ваши, чего доброго, и за нее возьмутся… Я вас хочу пригласить, гражданин старший лейтенант госбезопасности, не к врачу, а к биохимику. Он квартирует этажом ниже. Если не боитесь заняться акробатикой…

Майор поглядел вниз. Высоковато, но по решетке спуститься можно.

– Я быстро освоился. Ну что, сходим? Заодно торта попробуем. Этот биохимик – большая шишка, чуть ли не академик. Обожает сладкое, и его, естественно, снабжают. Вы как насчет торта?

– Положительно.

– Прекрасно. Только… – Сорок Третий замялся. – Имейте в виду, он сразу же начнет жаловаться на то, что его бросила жена. Придется выслушать, а потом уже поговорим.

– А что, жена его действительно бросила?

Зэк, обернулся, посмотрел ему прямо в глаза:

– Зачем вам?

– Ну… – растерялся Сергей. – Все-таки, мы в одной лодке!

– Мы с вами не в одной лодке, гражданин старший лейтенант госбезопасности! Но ежели вам так интересно… Они с женой пытались покончить с собой. Его спасли, ее нет. Ясно?

Ясно… Сергей чуть было не спросил о причине, но вовремя сдержался. Не так давно покончили с собою Гамарник и Путна, еще раньше – Любченко, Иоффе, Скрипник…

Сорок Третий еще раз глянул вниз, кивнул и начал быстро спускаться по решетке. Майор последовал его примеру, и через несколько секунд оба они уже стояли на балконе третьего этажа. Зэк подошел к стеклянной двери и постучал. Неярко вспыхнул свет, дверь неслышно отворилась.

– Торт еще не съели? – Сорок Третий шагнул к вышедшему на балкон маленькому сгорбленному человечку. – Добрый вечер, гражданин Тридцать Первый!

– Добрый вечер, – ответил тихий, немного дребезжащий голос. – Торт я не съел и даже согрел чаю… Заходите, товарищи!

Все трое прошли в палату, которая оказалась точь-в-точь такая же, как у Сергея – с единственной койкой, новой мебелью, и, вероятно, заранее встроенными микрофонами.

– Прошу знакомиться, – продолжал зэк. – Тридцать Первый. А это ваш сосед сверху, соответственно Сорок Первый.

В голосе звенела ирония. Кажется, подобная арифметика забавляла государственного преступника.

– Виталий Дмитриевич, – человек протянул руку. – Хотя, конечно, Тридцать Первый – это правильнее.

– Сергей.

– Простите, а полностью? Знаете, привык.

– Сергей Павлович, – майор с любопытством разглядывал того, кто предпочел номер фамилии. Виталий Дмитриевич Тридцать Первый походил на гнома, обитателя подземных глубин, а еще больше – на домового. Сморщенное, почти с кулак, личико, узкие плечи, короткие ручонки, неспособные, казалось, удержать даже авторучку…

– Проходите!

Виталий Дмитриевич засуетился, приглашая к столу. Там действительно стоял торт, а рядом с ним – чайник, накрытый полотенцем.

– Пражский? – осведомился зэк, приглядываясь к угощению. Карлик невесело рассмеялся:

– Увы, пражский! В хорошие времена я бы сам приготовил, да такой, что сам шеф-повар «Берлина» позавидовал бы…

Принялись за торт. Виталий Дмитриевич ел жадно. У Сергея почти не было аппетита, да и Сорок Третий явно не был поклонником сладостей.

– Что ж вы не едите? – карлик откинулся на стул и вздохнул. – Знаю! Вы, любезный Юрий Петрович, просто уговорили нашего новенького навестить меня. Ну, спасибо!

…Оказывается, Сорок Третьего звали Юрием Петровичем. Юрий Петрович Сорок Третий…

– Юрий Петрович наверняка вас предупредил, – Тридцать Первый повернулся к Сергею. – Здесь все считают, что лишился ума, после того, как меня бросила супруга. Смешно, правда? Старик, похожий на какое-то чучело… Но ведь я все еще не разучился думать! Почему? Не могу понять…

Он заговорил быстро, так, что Сергея еле различал отдельные слова:

– …Тридцать лет, тридцать лет мы жили… ни разу по-настоящему… случиться? Почему она меня… может, я чем-то… не навестила меня, не написала?.. почему?.. не говорят мне, не хотят волновать… должен узнать!..

Майор постарался незаметно отвернуться. Виталий Дмитриевич тоже не мог вспомнить прошлое, как Сорок Третий, как и он сам. Что сделали с этим безобидным человечком?

Речь Тридцать Первого стала совсем тихой, неразличимой. Наконец, он затих, глаза закрылись, руки повисли… Зэк чуть заметно дернул щекой и достал папиросы.

– Курите, Сорок Первый! Мы уже ничем не поможем… Сейчас он очнется.

Действительно, не прошло и двух минут, как Виталий Дмитриевич открыл глаза.

– А? – дернулся он. – Кажется, я опять… Извините, товарищи!.. Юрий Петрович, вы говорили вчера, что наш новенький…

– Да, он, кажется, по вашей части.

Карлик вскочил со стула. Пустельга тоже встал, но решительный жест маленькой ручки остановил его:

– Сидите, сидите, Сергей Павлович! Надеюсь, Юрий Петрович все же ошибся. Если ваши с ним случаи сходны, то волноваться нечего. Сама по себе амнезия, конечно, малоприятна…

Не прекращая говорить, Виталий Дмитриевич осторожно взял Сергея за руку, пощупал пульс и замер. Сморщенное лицо дернулось.

– Ох ты!.. Сергей Павлович… любезнейший… Если можно, к свету. Я должен осмотреть глазное яблоко.

Осмотр на этот раз длился долго. Карлик хмурился, вздыхал, а затем кивнул на стул:

– Садитесь! Рассказывайте – и поподробнее.

Слушал он внимательно, время от времени кивая. Затем вздохнул и покрутил головой:

– Несколько вопросов… Только не обижайтесь.

– Ни в коем случае! – Сергей тут же вспомнил психиатра.

– У вас, как я понял, очень плохой аппетит, предпочитаете жидкое и, желательно, теплое. Так?

Майор кивнул. Сейчас должен последовать вопрос о бифштексах.

– Привкус крови во рту ощущали?

– Нет! По-моему… Нет, ни разу.

– А желание… уж, извините… попробовать свежей крови?

Поразил не сам вопрос, а то, что его об этом уже спрашивали. Вот они, бифштексы!

– Нет. Даже кровяной колбасы не ем.

– Ну и хорошо.

Виталий Дмитриевич прошелся по комнате, затем опустился на стул и легко ударил ребром ладошки по дереву:

– Так… Порадовать ничем не могу, Сергей Павлович. Разве что – болезнь ваша проходит в самой легкой форме…

– Какая болезнь? – еле выговорил майор. Значит, правда? Никакой травмы на боевом посту!

– Так называемая болезнь Воронина. Открыта перед самой мировой войной на Среднем Урале. Василий Воронин был молодым земским врачом. Однажды его вызвали в одну глухую деревню… Воронин был умница, сразу понял, что перед ним нечто совершенно неизвестное науке.

Виталий Дмитриевич замолчал, поморщился.

– Василий пропал без вести в 18-м, на юге. К этому времени мы уже выделили вирус. Мне поручили создать состав, в котором возбудитель болезни Воронина мог существовать в течение длительного времени. Дело в том, что в обычных условиях он быстро погибал – и слава Богу… Увы, мне это удалось. Состав назвали ВРТ – это инициалы покойного Воронина. И в том же 18-м я был вызван на Лубянку. Со мной беседовал некто Кедров, заместитель Дзержинского. Меня

уверяли, что большевики чрезвычайно заинтересованы в лечении болезни, обещали новую лабораторию, сотрудников… Тогда я был еще в здравом уме, – Виталий Дмитриевич усмехнулся и покачал головой. – Да, я был в здравом уме и решил на следующий же день уничтожить все запасы ВРТ, а заодно и документацию. Увы, Кедров оказался сообразительнее… До 21-го я был в специальном лагере под Псковом…

Тридцать Первый вновь умолк, прикрыв глаза. Молчание тянулось долго, наконец он вздохнул, попытавшись улыбнуться:

– Извините… Мои личные неурядицы не имеют к данной истории прямого отношения. Кедров продолжил работы по ВРТ. Не сам конечно, хотя он, вроде как, врач, давал клятву Гиппократа… Естественно, речь шла не о лечении. Вы уже поняли, Сергей Павлович?

– Состав… вводили здоровым людям? – майор вытер со лба ледяной пот. – Но зачем?! Хотя… Я, кажется, понял! Человек теряет память, его можно использовать как какой-то… механизм!

– Если бы только это… Увы, любезнейший Сергей Павлович, сие не самое страшное. Но… лучше промолчу! Болезнь может протекать в разных формах, у вас самая легкая – и слава Богу… Правда, в некоторых случаях человек не теряет памяти, но это как раз в самых безнадежных ситуациях…

– А как это лечится? – вмешался в разговор зэк. Виталий Дмитриевич покачал головой.

– Увы! В самых легких случаях, таких, как у Сергея Павловича, можно притормозить болезнь. Те же переливания крови… Но вылечить не удалось еще никого. Во всяком случае, еще год назад… Да, как раз перед тем, как я очутился здесь…

– Значит, вы продолжали заниматься болезнью Воронина? – Сорок Третий недобро усмехнулся.

– Мой грех, мой страшный грех! Лена, жена… она все время говорила… Если бы это была просто болезнь!.. Как-то я нашел в бумагах Воронина запись, которую тот сделал на Урале. Так сказать, народная версия… Там сказано, что больной

умирает почти сразу, а то, что остается – лишь его видимость. Душа уходит, остается тело и дух…

– Простите, что остается? – не понял Сергей.

– Душа уходит, остается тело и дух. А потом и дух исчезает, а в тело вселяется бес…

– Кажется, сообразил! – кивнул Сорок Третий. – По народным представлениям, у человека не одна, а две души. Одна – та, что дается Богом. Вторая – своеобразный человеческий двойник, он не покидает землю и после смерти. В Древнем Египте их называли Ка и Ба, на Украине – душа и доля… Душа уходит, остается дух – хранитель тела, который пользуется крохами того, что уцелело от прежнего хозяина. К моему случаю подходит в самый раз! Не помню ничего, связанного со мною лично, зато, как видите, вспомнил про Ка и Ба…

– У вас что-то совсем другое, – возразил карлик. – Может, просто последствия травмы… Кстати, Юрий Петрович, меня про вас расспрашивала девушка – ваш лечащий врач. Она вообще интересовалась болезнью Воронина и моим препаратом…

– Любовь Леонтьевна? – удивился Сергей.

– Да. Симпатичная девушка, все надеется нам, грешным, помочь. Она думает, что руководство скрывает какие-то подробности. Я, конечно, рассказал все, и о ВРТ и о голубом излучении. На пятом этаже сейчас лежат двое – в очень тяжелой форме.

Сергей насторожился. Это было что-то новое. Значит, «голубое излучение»…

– Но самое любопытное… Представляете, товарищи, почти сразу ко мне зашли двое. В штатском, естественно, но узнать нетрудно… Они спрашивали, о чем я говорил с этой девушкой!..

Сергей и Сорок Третий переглянулись. Майор хотел переспросить, но зэк быстро поднес палец к губам.

– Благодарим за консультацию, профессор! – Юрий Петрович встал. – Или я вас понизил в чине, гражданин Тридцать Первый? Вы, кажется, академик?

– Я никто… – глухо проговорил карлик. – Никто! Я – номер Тридцать Первый… Это не вы потеряли души, товарищи. Это я продал свою… Она говорила мне!..

Узкие плечи дернулись, закатились глаза…

– Пора, – вздохнул зэк. – Уходим, гражданин майор. Пусть думает, что мы ему приснились!

На балконе сразу стало холодно, но Сергей не спешил возвращаться в палату. Зэк тоже явно не торопился.

– Что, не порадовал академик? Или вы этой байке поверили? Хотя я вас, конечно, понимаю… Держите!

Он достал папиросы. Оба закурили.

– Вы ему не очень-то верьте! Все-таки псих, как и мы с вами. Может, все выглядит не так безнадежно. Правда, если с душой и в самом деле такой форс-мажор вышел…

По тону Сорок Третьего нельзя было понять, шутит он или говорит всерьез. Майор заставил себя улыбнуться:

– На правах атеиста предпочитаю верить в микробы. Кстати, Юрий Петрович, что ж вы не представились?

– Взаимно, Сергей Павлович. Вам что, мою фамилию не назвали? Орловский Юрий Петрович, особо опасный преступник…

– Пустельга.

– Оч-чень приятно, – зэк усмехнулся. – Кстати, гражданин Сорок Первый, раз в жизни будьте человеком – не спешите с докладом, чтобы я успел предупредить Любовь Леонтьевну. Вот сволочи, ни одного хорошего человека в покое не оставят!

– Обещаю, – кивнул Сергей. – И у меня к вам совет. Профессиональный.

– Что делать, когда начнут ногами бить?

– Тут, боюсь, даже я не советчик. Дело в другом… Завтра, самое позднее послезавтра, ключи у вас отберут. Поэтому сегодня же разберите связку и все ключи бросьте вниз – по одному. Ваши сторожа решат, что вы все поняли и решили напоследок немного им досадить.

– И в чем секрет? – хмыкнул зэк.

– Один ключ вы оставьте – тот, что отпирает вашу решетку. Здесь высоко, ключи будут искать долго, если вообще станут этим заниматься. Свой вы спрячьте… На всякий случай.

– Недурно, – подумав, заметил Сорок Первый. – Только бежать-то мне некуда, так и доложите. Кроме того, палату обыщут, не дураки же они! Что связка, что один ключ – найдут.

– У вас такая же палата, как у меня?

Орловский кивнул.

– Тогда я вам покажу, где его надо спрятать. «Они», конечно, не дураки, но и не семи пядей во лбу.

– Душу думаете спасти? – Сорок Третий запахнул халат, бросил взгляд на темные кроны деревьев. – Не поздно ли, гражданин майор?

– Даже если поздно, – Сергей затоптал окурок и решительно бросил:

– Пошли!

Его вызвали следующим вечером. Вновь большая темная машина с занавешенными окнами, пустой подземный гараж. И комната была той же, даже стулья стояли точь-в-точь, как несколько дней назад.

– Присаживайтесь…

Иванов, как и прежде, был в широком плаще, и у Сергея опять мелькнула нелепая догадка, что под глубоко надвинутым капюшоном нет ничего – лишь черная пустота.

– Итак, ваше мнение?

Майор был готов к разговору. Даже волнение куда-то пропало. И вправду, зачем волноваться? Задание он выполнил…

– У заключенного Орловского полная амнезия. Ни дхарского языка, ни чего-либо связанного с дхарами, он не помнит. В том числе и заклинаний.

– Так…

Наступило молчание. В темноте силуэт Иванова начал расплываться, исчезать… Опять вернулся страх. Кто этот человек? Почему не решается открыть лицо? Да и есть ли у него вообще лицо?

– Не волнуйтесь!..

Тихий голос заставил вздрогнуть. Кажется, Иванов почувствовал…

– Все еще не верите мне, Сергей Павлович? Вас смущает этот антураж?

– Нет, – выдавил из себя Пустельга. – То есть… Не совсем.

– К сожалению, ничего объяснить не могу, а лгать не стану. Главное, я не обманывал вас и не обманываю теперь. Насколько я понял, вы уже успели узнать о болезни Воронина?

– Да… – лгать не имело смысла. – Мне сказали, что у меня болезнь протекает в легкой форме. И что есть легенда…

– О потерянной душе? – в голосе Иванова мелькнула ирония. – Глас народа, как известно, – глас Божий… К сожалению, вынужден кое-что добавить. Не о душе, тут я не специалист… Легкая форма болезни Воронина заканчивается тем же, что и тяжелая. И примерно в те же сроки.

Сергей отвернулся. Значит, все? Его даже не поставят к стенке. Зачем? Стоит лишь немного подождать – месяц, полгода, много – год…

– А теперь слушайте внимательно, – голос стал совсем иным, повелительным, властным. – Слушайте, внимательно, Сергей Павлович, ибо от этого зависит ваша жизнь. То, что сейчас называют болезнью Воронина, не лечится современной наукой. Но раньше ее лечили…

Сергей вслушивался в каждое слово. Неужели, правда? Или его хотят поманить надеждой – и бросить умирать?

– Вам следует запомнить: вас спасут в том случае, если смогут вылечить вашего нового знакомого – гражданина Орловского. Вы поняли? Спасут его – спасут и вас!

– Понял…

В голове все смешалось, секунды текли, а Сергей никак не мог опомниться. Что-то не так! Ведь у Сорок Третьего просто амнезия!..

– Ваши случаи очень сходны, поэтому предлагаю следующее. Вы поможете вернуть память Юрию Орловскому. Я помогу вам выздороветь. Но помните – все мои приказы должны выполняться быстро, точно и без рассуждений. Если это вас устраивает…

Устраивает ли это его? Ему предлагают жизнь! Жизнь!.. Но тут же вспомнились странные слова несчастного человечка, отзывающегося на «номер Тридцать Первый». «Это не вы потеряли души, это я продал свою…» А что предлагают ему, Сергею Пустельге?

Но разве у него есть выбор?

– Я согласен… – слова прозвучали еле слышно, и он поспешил повторить: – Я согласен, товарищ Иванов! Что мне нужно делать?

– Для начала успокоиться, – голос вновь стал прежним, мягким, добродушным. – Вернетесь в больницу, за вами будут присматривать, подлечитесь. А заодно начнете работу… Кстати, может, нам придется побеседовать с вашим лечащим врачом.

– С Любовью Леонтьевной? – удивился майор.

– Именно с ней. На редкость смелая девица! Смелая – но совершенно неопытная. Вы еще не сталкивались с тускульской разведкой?

– Нет! – странное название ни о чем не говорило. – Может, раньше…

– Раньше агентов Богораза у нас не было. Неплохо работают! Надо будет спросить, кто ее устроил в эту больницу…

Сергей вздохнул. Неужели девушку схватят, бросят в подвал… Но ведь она шпионка! Все равно – пусть уходит, скроется где-нибудь… Сорок Третий должен предупредить!

– Но это к слову… Главное ваше задание будет иным, хотя тоже связанным с некой дамой. Завтра вам предоставят все материалы, которые удалось собрать по поводу одной особы. Задача – завербовать, причем надежно, чтобы не было никаких сюрпризов. Эта дама должна помочь нам вернуть память гражданину Орловскому.

– Она – врач?

– Да, училась в медицинском, но интересна вовсе не этим. Не спешите, Сергей Павлович, все узнаете в свой черед. Пока же запоминайте: ее зовут Виктория Николаевна. Виктория Николаевна Артамонова…

Глава 3. Представитель Центрального Комитета

Первый выстрел ударил неожиданно. Тут же ответило эхо, и через секунду вокруг уже грохотало. Новые выстрелы рождали ответный гром, ущелье наполнилось гулом, слышным за много километров вокруг.

Чиф сидел, прижавшись спиной к огромному сырому валуну, в который раз чувствуя себя ненужным и бесполезным. Страха не было, Косухин рвался вперед, в самое пекло, но понять, где это самое «пекло», было весьма затруднительно. Грохот доносился со всех сторон, и оставалось лишь надеяться, что остальные не оплошают. Так и было. Бойцы делали свое дело – неторопливо, сноровисто, как и полагается отборным разведчикам из Особого района. Краем глаза Чиф заметил, что за соседними камнями заняли позицию пулеметчики, дальше залегли бойцы передового охранения. Немного успокоившись, он понял, что никто из отряда не стреляет. Бой вел кто-то другой, причем не здесь, а на противоположной стороне ущелья.

– Разрешите доложить, товарищ Хо? – Лю Вэйцзян, командир отряда, даже не стал садиться, а лишь пригнулся, стараясь, чтобы синее кепи не привлекло внимание чужаков. Чифу стало стыдно, он тоже привстал, но неудачно – пуля прошла над самой головой.

– Будьте осторожны! – товарищ Лю озабоченно покачал головой. – Бойцы и так говорят, что вы излишне рискуете.

Косухин не рисковал – просто то и дело попадал в переделки, за что умудрился прослыть бесшабашным храбрецом…

– Что там, Лю?

– Около роты, – командир быстро выглянул из-за камня, указав на противоположную сторону ущелья. – Три пулемета, одно горное орудие. Форма не наша – серая. Они атакуют кого-то наверху.

Товарищ Лю был спокоен. Шел бой – привычная обстановка для ветерана Великого Похода, воевавшего в Красной Армии с пятнадцати лет. Косухин

достал бинокль и осторожно выглянул. Вначале он ничего не заметил, но затем в объектив попали невысокие фигуры в серых полушубках с короткими карабинами.

– А кто это?

Молодой командир невозмутимо пожал плечами:

– Наших войск здесь нет, так что в любом случае – враги… Жду приказа, товарищ Хо.

К этому Чиф никак не мог привыкнуть. Для Лю Вэйцзяна и для его бойцов «товарищ Хо», представитель Центрального Комитета, являлся непререкаемым авторитетом, чьи решения не подлежат обсуждению. И теперь от него, Джона Косухина, зависело, станут ли бойцы атаковать или останутся за безопасными скалами. Впрочем, выбора не было. Банда преградила путь, если отряд промедлит, «серые» расправятся с теми, кто отстреливался, а потом…

– Атакуем!

– Есть! – Лю подбросил руку к козырьку кепи. – Товарищ Хо! Прошу вас на время боя оставаться здесь. Я отвечаю за вас перед Центральным Комитетом…

Спорить было некогда. Чиф вновь выглянул из-за камней.

– Держите скрайбер!

– Спасибо!..

Разведчик радостно улыбнулся. Любимое оружие Бена он уже успел опробовать в бою, причем неоднократно.

Итак, вновь предстояло отсиживаться за камнями. Перед каждой серьезной схваткой Лю Вэйцзян старался любой ценой не пустить Косухина в атаку. Аргумент оставался одним и тем же: без «товарища Хо» поход терял смысл. Это было правдой, но Чиф все равно чувствовал себя дезертиром. То и дело вспоминался отец. Тот во время боя за камнями не отсиживался! Правда, на

вопросы о личном героизме Степан Иванович всегда реагировал весьма кисло, подчеркивая, что на войне каждый должен находиться там, где нужнее. Это немного успокаивало.

Товарищ Лю жестом подозвал связного и что-то проговорил, указывая вперед. Тот приложил ладонь к кепи и скользнул вправо. Через несколько секунд Чиф заметил, как бойцы один за другим начали перебегать вниз по склону. Итак, дело завязалось – очередной бой, которых было уже немало за эти месяцы. «Серых» в ущелье оказалось не менее сотни, да еще с пушкой в придачу, но Чиф не волновался, зная, на что способны бойцы отряда.

Еще три месяца назад их было тридцать два, считая с самим Косухиным. Осталось ровно на десять человек меньше. Трое погибли, а семерых, раненых и больных, пришлось оставить у друзей. Итак, не дошел каждый третий, но и это казалось чудом. Три месяца пути, более тысячи километров по горным тропам, плоскогорьям, через бурные реки, ледники, заснеженные перевалы. Когда пешком, когда на черных яках. Отстреливаться приходилось часто. То и дело встречались мелкие банды, отряды местных, никому не подотчетных генералов, а иногда и просто упрямые пастухи, не желавшие пропускать чужаков. Китайцев в отряде было меньше половины. В основном здесь собрались горцы с восточного Тибета из племен с экзотичными названиями «и», «лоло» и «тэнг». Были и двое бхотов – молчаливые невысокие ребята, считавшиеся лучшими диверсантами. Сам Лю Вэйцзян уже воевал на Тибете, неплохо знал здешние горы и свободно изъяснялся на полудюжине местных наречий.

Бойцы быстро спускались вниз, где шумела невидимая с высоты река. «Серые», по-прежнему пытавшиеся выкурить тех, кто оборонялся на противоположном склоне, не заметили новой опасности. Конечно, не все из них были «серые». Как успел заметить Чиф, враги были одеты по-разному – и в полушубки, и в зеленые шинели, и в темные куртки. Это походило на очередную банду, если бы не оружие. Впрочем, в горах можно увидеть всякое.

Еще в Яньане, разглядывая огромную карту страны, которую предстояло пересечь, Чиф понимал, что дело он затеял почти неподъемное. Добраться от северной Шэньси, главной базы Красной Армии, до тибетских гор можно было лишь за много месяцев. Однако никто с ним не спорил, более того, в штабе обсуждали лишь тибетский маршрут, словно остальное не представляло ни малейших трудностей. Идти действительно не пришлось. Два стареньких транспортных самолета перебросили отряд с аэродрома севернее Яньаня до

самой западной базы Красной Армии – города Ганьцзы, где находилось правительство Советской республики Тибет, созданное три года назад, во время Великого Похода. В Ганьцзы «товарищу Хо», посланцу ЦК, пришлось говорить речи, посещать правительственные приемы, словом, выступать в совершенно неожиданной роли дипломата. А в это время товарищ Лю вел начал разведку, уточняя будущий маршрут…

Выстрелы ударили вновь, теперь уже ближе. Десяток «серых» спустился почти к самой реке, пытаясь обойти тех, кто продолжал отстреливаться, не подпуская врага к вершине. Косухин прижал бинокль к глазам, перевел взгляд на противоположный берег и заметил своих бойцов, которые уже разворачивались в цепь. Замысел Лю Вэйцзяна становился понятен. «Серые», увлеченные боем, подставляли спину. Оставалось лишь выждать нужный момент.

…Громыхнуло. Удар пришелся по барабанным перепонкам, гулко ответило эхо, над вершиной вырос черный столб разрыва. «Серые» развернули орудие. Снова грохот – и вновь черный столб, на этот раз ниже, как раз там, откуда неизвестные вели огонь. «Серые», забыв о всякой осторожности, выбежали из укрытий, радостно крича и размахивая винтовками. Для них бой уже кончился. Орудие ударило третий раз, на миг в ущелье наступила тишина, но внезапно послышался резкий звук свистка. Чиф сразу узнал этот звук – сигнал к атаке.

Косухин выхватил револьвер и бросился вниз, догоняя бойцов. Теперь все, наконец, стало ясно: враг, как и положено, впереди, пулеметы – на флангах… Чиф скатился по склону и тут же угодил в воду. Ноги, обутые в ичиги, горные сапоги без подошв, скользнули по мокрому камню, но он все-таки удержался, услыхал над самым ухом свист шальной пули и одним прыжком оказался на другом берегу.

Здесь все уже было кончено. Несколько «серых» неподвижно застыли у самой воды, остальные отступали в глубину ущелья. Где-то неподалеку взорвалась граната, Джон автоматически пригнулся, но поспешил дальше. Еще один «серый» рядом с разбитым пулеметом, чей-то труп в старом порванном даньи, брошенная английская винтовка… Цепь бойцов двигалась вперед, гоня перед собою отступающих. Товарищ Лю заметил Чифа, укоризненно покачал головой, но Косухин, довольный, что на этот раз не остался в тылу, поспешил занять место рядом с молодым командиром.

– Хорошо бьет! – коротко бросил Лю Вэйцзян, кивая на скрайбер, и на его лице вновь мелькнула улыбка. – Пулемет подбил. Думали, за камнем усидят…

Чиф кивнул: камень скрайберу не помеха, впрочем как и железобетон, и двухдюймовая сталь. К счастью, на Земле это был единственный экземпляр остроумного изобретения инженера Вязьмитинова.

Цепь прошла еще с сотню метров, уже не встречая сопротивления. Стрельба постепенно стихала. «Серые», сумев оторваться, были уже далеко. Ушли не все, не менее двух десятков остались в ущелье. В первые недели вид трупов еще вызывал нервный озноб, но затем Чиф привык и к этому. На каменистом берегу безымянной речки лежали не люди – лежали враги, и, чем больше их осталось здесь, тем безопаснее будет путь отряда.

Наконец, Лю остановил цепь.

– Товарищ Хо! Какие будут распоряжения?

– Убитые, раненые? – что делать после боя, Косухин уже знал.

– По-моему, обошлось… – Лю оглянулся и закинул скрайбер за спину. – Разрешите уточнить?

– Да… Я – к тем, на скале…

Косухин кивнул туда, где занимали оборону неизвестные. Лю Вэйцзян задумался:

– Товарищ Хо, это опасно. Может, там тоже бандиты? Возьмите с собой десяток…

Джон, не дожидаясь подмоги, решительно направился в сторону нависавшей над ущельем скалы. Туда вела узкая тропа, вдоль которой лежали трупы в серых полушубках. Дойдя до места, где тропа начинала резко карабкаться вверх, он нерешительно остановился. Если там, на скале, действительно бандиты, поссорившиеся со своими товарищами по ремеслу, то первая же пуля уложит его на месте. Чиф сорвал с головы кепи, резко взмахнул рукой, подождал. Наверху было по-прежнему тихо, но вот из-за скалы показалась высокая фигура в темной

куртке и большой мохнатой шапке. Незнакомец постоял, приглядываясь, затем опустил бинокль. Воздух прорезал резкий свист. Чиф почувствовал, как сердце радостно дрогнуло. Свои!

– Дядя Тэд! Дядя Тэд! Это я – Джон Косухин!..

– Оу, Джон!

Человек забросил за спину винтовку и начал быстро спускаться. Красноармейцы, увидев, что «посланцу Центрального Комитета» опасность не грозит, присели на камни. Кто-то уже успел достать пачку трофейных папирос и чиркнуть огнивом, заменявшим в этих местах привычные зажигалки.

– Джон! Неужели ты?

По тропинке спешил высокий широкоплечий мужчина лет сорока, весь обвешанный оружием, с командирской сумкой на боку и цейсовским биноклем на шее. Несмотря на столь воинственный вид, а также на многодневную щетину, старившую моложавое, без единой морщины лицо, он весело улыбался, время от времени изумленно покачивая головой.

– Ну, Джон! Откуда ты взялся?

Человек говорил по-английски с заметным американским акцентом, столь популярным на Тускуле. Чиф шагнул вперед.

– Но мы же договорились… Здравствуй, дядя Тэд!

Сильные руки на мгновение оторвали его от земли, затем последовал мощный удар по плечу.

– Ну, рад познакомиться, Джон! Твоя армия? – широкоплечий кивнул на бойцов, с интересом разглядывавших колоритного незнакомца. – Здорово вы им дали! А я уж подумал, последний парад. Прижали еще утром и давай обрабатывать…

– Дядя Тэд, а почему ты не подождал нас в Кэбэнчунгу?

– Расскажу. Слушай, да ты вылитый отец!

Дядя Тэд повернулся и помахал рукой. Из-за камней показались двое, столь же обильно обвешанные оружием.

– Черт, и это называется археология! – улыбнулся он, с удовольствием вдыхая пропахший порохом воздух. – Видит бог, никогда не гонялся за острыми ощущениями!..

– Товарищ Хо… – командир Лю подошел незаметно и теперь не без опаски рассматривал вооруженного до зубов археолога. Чиф спохватился.

– Дядя Тэд! Это товарищ Лю Вэйцзян…

– Валюженич. Штат Индиана, – американец улыбнулся и протянул руку.

– Товарищ Ю Жень? – переспросил Лю без тени улыбки. – Я слыхал о вас.

– Увлекаетесь археологией?

Дядя Тэд говорил по-китайски скверно, но не хуже Косухина.

– К сожалению, нет. Но я знаю, что вы большой друг Китая. Вы подписали протест по поводу зверств в Шанхае!..

– Подписать – не заслуга, – Валюженич нахмурился. – Знаете, мистер Лю, я был здесь впервые семнадцать лет назад и попал в очень похожую передрягу. В тот раз меня выручил отец… товарища Хо. Годы идут, а здесь, похоже, все тот же ветер!..

– Да, – Лю кивнул. – Но не по вине китайского народа… Товарищи, нам лучше уйти. Бандиты могут вернуться.

– Точно! – в руках Валюженича тут же оказалась карта. – Черт, по ущелью дальше не пойдешь, еще напоремся…

Теперь карту рассматривали уже втроем.

– Вот! – Лю указал на узенькую тропку, уводившую на север. – Попробуем обойти… Товарищ Хо, у нас потерь нет. Что делать с трофеями? Пулемет сильно поврежден, зато орудие цело. Есть даже снаряды…

– Не потащим же мы его с собой! – удивился Чиф.

Молодой командир вздохнул:

– Жаль, полезная штука! Между прочим, советского производства. Здесь вообще много советского оружия…

– В Китае сейчас столько оружия… – пожал плечами археолог. – Но что это за типы?

Между тем, спутники Валюженича уже успели спуститься. Один был явно из местных жителей – немолодой тибетец в старой ватной куртке и шапке-капюшоне. Второй выглядел странно: в модном осеннем пальто, шляпе и белом шарфе, он напоминал респектабельного бизнесмена.

– Господин Чжао, сотрудник шанхайского музея древностей, – отрекомендовал его дядя Тэд, – специалист по тибетскому фольклору.

Специалист по фольклору блеснул очками в золотой оправе и с достоинством поклонился. Было заметно, что вид бойцов Красной Армии не вызвал у него положительных эмоций. Тибетец, как и предполагал Чиф, оказался проводником. Он бегло взглянул на карту и поддержал предложение товарища Лю. Тропа позволяла обойти опасное место, прикрываясь грядой высоких скал.

Только через несколько часов, оставив за спиной два перевала и глубокую седловину, решили отдохнуть. Пока бойцы разводили костер, Чиф и Валюженич присели на сгруженные с яков тюки, чтобы поговорить без помех.

– Знаешь, Джон, – Тэд покачал головой, – я, как тебя увидел, так чуть не испугался. Ну, вылитый Стив! На фотографиях ты как-то меньше похож.

Вспомнились те, кого Косухин встречал в Столице. Хорошо хоть дядя Тэд не считает его отца выходцем с того света!

– Ну рассказывай! А то письма – письмами, а все равно кажется, что Тускула – просто легенда. Вроде Шамбалы, которую так мечтает найти мистер Ингвар. Как там Стив?

Слушал он внимательно, не перебивая, по загорелому небритому лицу то и дело пробегала грустная улыбка. Наконец, вздохнул:

– Значит, Стиву сейчас за пятьдесят? И Наталье Федоровне тоже? Ну ее к черту, эту физику. Стоило так далеко ехать, чтобы состариться! А я вот до сих пор как перекати-поле. Ни кола, ни двора, так кажется, по-русски?

– А почему ты – перекати-поле? – удивился Чиф.

– Оу, самое время обратиться к твоему отцу за социальной защитой! Я безработный, остается надеть на шею плакат и выйти к Белому Дому. Контракт в Джонсвилле кончился, а новый предпочли не заключать…

– Так давай к нам в Сент-Алекс! – оживился Косухин. Валюженич задумался:

– Не знаю, Джон. Стив уже предлагал, но вы – будущее, а я занимаюсь прошлым. Вот и мистер Арцеулов так считает, так что нам с ним нужно оставаться здесь. К тому же, Шарль, то есть мистер Карно, обещает помочь с работой. Можно поехать с профессором Робером в Анатолию, можно с Ростовцевым – в Дура-Европос… Представляешь, Джон, римский город в пустыне – целый, некоторые дома даже с крышами!…

– А отстреливаться часто приходится? – Джон вспомнил рассказы отца о мудреной науке «акэолоджи».

– Что ты, Джон! – дядя Тэд даже рассмеялся. – Археология – наука тихая, пыльная и скучная. Два месяца копаешь, полмесяца стоишь под душем, три месяца разбираешься, что ты, собственно, накопал…

– А это? – Косухин кивнул на грозный арсенал, которым был обвешан археолог.

– Ну… это на всякий случай. Не обращай внимания!.. Кстати, эти гангстеры в ущелье были вооружены английскими одиннадцатизарядками. В горах за такую дают дюжину обычных винтовок…

– Я тебе еще скрайбер покажу, – пообещал Чиф. – Слыхал?

– Скрайбер?! Оу!

После обеда Косухин и товарищ Лю собрали военный совет, на который пригласили также Валюженича и интеллигентного господина Чжао. Все присели прямо на брошенных на землю ватниках, кроме фольклориста, притащившего маленький складной стульчик.

– О'кей, господа! – начал дядя Тэд на правах старшего. – Сперва о планах нашей фирмы… Мистер Лю, вы военный, так что вам слово.

Лю Вэйцзян вежливо кивнул:

– Благодарю, товарищ Ю Жень. Я получил в Яньане приказ, согласно которому отряду ставились две задачи. Первая – сопровождать товарища Хо, вторая – провести военную разведку Центрального Тибета. А именно…

Лю склонился над картой, остальные последовали его примеру. По сравнению с бурлящими равнинами Китая, в здешних горах было тихо. На востоке, в районе Ганьцзы, стояли войска Советской республики Тибет, на юге, вдоль границы с Непалом, заняли позиции англичане. Лхаса с окрестностями контролировалась войсками далай-ламы, а на огромных горных просторах действовали отдельные, никому не подчинявшиеся отряды. Карандаш товарища Лю указал на запад:

– В вот здесь, товарищи, полная неясность. По некоторым данным, в горах Западного Тибета действует сильная военная группировка. Ее войска дважды направлялись на север, приблизительно туда, где мы с вами находимся…

– Шекар-Гомп, – негромко вставил Валюженич, указывая в центр «белого пятна». Лю кивнул:

– Товарищ Хо рассказывал. Вполне вероятно, что центром западно-тибетской группировки является именно Шекар-Гомп…

– Эта группировка посылает войска на север, – подхватил Чиф. – Значит надо узнать, с кем они воюют!

– Оу, грандиозно! – покачал головой дядя Тэд. – Моя задача куда как скромнее. Я был в Лхасе, где получил твою радиограмму, Джон, а теперь собираюсь в Пачанг…

Все вновь склонились над картой. Валюженич указал на маленький кружок посреди желто-серых разводов.

– Это маленький город в долине, окруженной почти непроходимыми горами. Европейцы в нем не разу еще не бывали, а между тем там находится уникальная библиотека. Мой друг Шарль Карно финансировал экспедицию, я добрался до Лхасы, получил разрешение у далай-ламы и двинулся сюда. Мы собирались, Джон, встретиться с тобою в Кэбэчунгу, но, как раз когда мы появились, там началась паника, ждали какую-то крупную банду, которая, по слухам, наступала на Пачанг. Я решил не рисковать…

– На Пачанг? – удивился Чиф. – Но зачем? Маленький городок, вокруг ничего нет…

– Понятия не имею! Вообще-то говоря, бандиты довольно странные…

Косухин и Лю переглянулись. Об этом они уже думали. Обычные разбойники не таскали с собой горные пушки.

– А вчера над ущельем кружил самолет, – добавил Валюженич. – Я почти уверен, что именно он навел на нас эту компанию.

– Что? – Лю Вэйцзян даже привстал от изумления. – Самолет?

– Причем военный, правда, какой именно – не скажу. Во всяком случае, не американский и не японский. И без опознавательных знаков. Машина небольшая, дальность полета не более нескольких сот миль. Вот я и думаю, откуда он

взялся? Аэродромов-то вблизи нет… Кроме того наш проводник узнал, что чуть западнее идет строительство дороги. Общее направления – на Пачанг…

Было над чем задуматься. Они шли по самым глухим местам Азии, по земле мифов и древних «артефактов». Но в небе кружат военные самолеты, через горы прокладывается трасса…

– Если удар наносится действительно по Пачангу, тогда все логично, – заметил Лю. – Два наступления уже отбиты, но на этот раз они решили подготовиться основательно. Получается, товарищи, что основные силы наступают на шоссе, а вокруг действует прикрытие, на которое мы и наткнулись…

Чифу стало неуютно. Одно дело – разгонять мелкие шайки, вооруженные кремневыми ружьями, совсем другое – бороться с современной армией. Даже горы не спасут, авиация легко найдет отряд…

– Пачанг – ключевая позиция на севере Тибета, примыкающая к Такла-Макану и южной Кашгарии, – продолжал товарищ Лю. – Если они там укрепятся, то легко смогут овладеть Лхасой…

– Кроме того, как я понял, Пачанг – религиозный центр, – добавил Чиф. – Может он им нужен для престижа? Ведь Шекар-Гомп – тоже святыня бхотов…

– Оу, вероятно! – кивнул Валюженич. – Однако новая дорога не решит всех проблем, в долину Пачанга им не попасть. Туда нет пути…

– Уже нет, – негромко заговорил господин Чжао, глядя не на собеседников, а куда-то в сторону. – Еще мой отец дважды ездил в Пачанг. Маленький город, по тибетским меркам не очень старый, не древнее XII века. Монастырь, дворец местного правителя – в общем, ничего особенного. Дорога к Пачангу шла через ущелье, но несколько лет назад…

Он задумался.

– Да, это случилось в 1920 году… Сильное землетрясение, ущелье завалило, и Пачанг стал практически недоступен…

– Но тогда зачем этим, из Западного Тибета, Пачанг? – поинтересовался Лю.

– Я не военный! – нахмурился господин Чжао. – Вам легче понять, кому и зачем нужно все это варварство. В Пачанге уникальная библиотека, я давно мечтаю побывать там, но, думаю, бандитов интересует что-то другое. Но чтобы захватить город, нет нужды готовить такую армаду. Авиация, военная техника – против кого? В Пачанге около трех тысяч жителей… По-моему, наша Поднебесная начинает сходить с ума!..

При этом этнограф выразительно поглядел на товарища Лю. Ответный взгляд был не менее выразителен. Между тем Чиф напряженно размышлял. Итак, он теперь знает, с кем воюет Агасфер. Пачанг – маленький городок среди тибетских гор. Но кто они, его защитники? Местная самооборона с кремневыми ружьями?

– Надо идти дальше, – решил он. – Мы должны добраться до Пачанга раньше, чем эти…

– Оу, – покачал головой Валюженич, – ты оптимист, Джон! Нам придется кружить по горам, а они идут напрямик. Но ты прав, надо попробовать. Правда, как я говорил, моя цель не столь грандиозна – заглянуть в библиотеку, проверить некоторые легенды.

– Какие легенды? – заинтересовался Косухин.

Глаза дяди Тэда блеснули:

– Оу! Пачанг… Маленький город, о котором написано больше, чем о Нью-Йорке!..

– Господин Валюженич, нашим спутникам это будет не интересно, – господин Чжао скривился. – Для них Пачанг – лишь стратегический объект…

Препираться, впрочем, не стали. Товарищ Лю и Валюженич принялись разрабатывать маршрут. Лю Вэйцзян предложил пройти правее озера Комум-цо, чтобы попасть к Пачангу с востока. Валюженич согласился, хотя и заметил, что отряду может не хватить припасов, а в пустых горах, разоренных войной, достать продовольствие сложно. Чифу, не разбиравшемуся в местной

географии, оставалось лишь все это утвердить.

…И снова дорога, на этот раз узкая тропа, ведущая в самое сердце гор. Товарищ Лю спешил увести отряд подальше от ущелья. Идти было нетрудно. Весна постепенно вступала в свои права даже здесь, на высокогорье. Стало заметно теплее, к тому же выручали незаменимые янки, тащившие на себе весь груз, включая запас патронов и пулеметы.

Чиф и Валюженич шли впереди, сразу за передовым охранением. Было время поговорить. Тэд рассказывал о своих экспедициях, о поездках за «артефактами», которые приходилось искать то в джунглях Ориноко, то в песках Аравии, то в ущельях Кордильер. Для Косухина это походило на сказку, впрочем, как и для дяди Тэда его рассказы о Тускуле. Сент-Алекс, маленький город среди черных песков, сиреневая листва деревьев, гигантские волны вечно бушующего океана, ледяной холод Долины Ветров… Валюженич качал головой и лишь интересовался, не найдены ли на Тускуле «артефакты» каких-либо неведомых цивилизаций. Похоже, мысль о поездке на далекую планету все-таки запала ему в душу.

Первый самолет заметили на следующее утро. Вернее, услыхали – крылатый разведчик пролетел в стороне значительно севернее. Но уже около полудня еще одна машина появилась совсем близко. Можно было разглядеть широкие крылья, странный заостренный нос и даже номер на фюзеляже. Третий самолет, а может и тот же самый, мелькнул уже в закатных лучах солнца. Итак, их искали, более того, аэродром находился не очень далеко. На ночь расположились под огромным каменным навесом, костры погасили, а Лю Вэйцзян приказал выставить дополнительные караулы.

На следующее утро отряд только успел сняться с места, как вновь послышался гул мотора. Мелькнула тень, и тут же раздался отрывистый треск пулеметной очереди. Бойцы, срывая с плеч винтовки, упали в истоптанный снег. Новая очередь – каменная пыль поднялась совсем рядом. Самолет, блеснув серебристыми крыльями, уходил на запад.

Оставаться на месте было опасно, и отряд начал быстро продвигаться к перевалу, откуда оставалась дорога к озеру Комум-цо. Дозорные все время поглядывали на небо, но самолет не возвращался. Появилась надежда, что в

горных теснинах найти отряд будет нелегко. Опытные бойцы шли спокойно, Валюженич был весел и оживлен, то и дело пытаясь беседовать с красноармейцами, исключение составлял лишь господин Чжао. Фольклорист категорически отказался идти пешком, посему пришлось усадить его на яка. На вопросы Чифа ученый отвечал коротко и без малейшей охоты, явно зачислив «товарища Хо» в число столь нелюбимых им военных.

Несмотря на все опасения, день прошел без происшествий. К вечеру Чиф начал успокаиваться. Будь они в поле, авиация легко нашла бы горстку людей, но горы защитили отряд. Товарищ Лю, похоже, оценивал происходящее так же, во всяком случае, на ночлег остановились на открытом месте, а число часовых не стали увеличивать. Костры, конечно, погасили, яков отвели подальше, укрыв в расщелине между скал, а сами расположились возле теплых кострищ.

В эту ночь Чиф долго не мог заснуть. На душе было неспокойно. Впереди был Пачанг. Даже если они найдут тех, кто сражается с Шекар-Гомпом, что им сказать? Раньше Косухин надеялся, что Агасфер воюет с равным противником, который сможет помочь, но маленький городок защищали, скорее всего, лишь местные жители, укрывавшиеся за неприступными горами. Тогда весь поход бесполезен. Агасфер остается всесильным, что в Столице, что здесь, в горах…

…Вот уже несколько месяцев от Бена и Лу не было вестей. Все чаще Косухин думал о том, что группа действует по-дилетантски, неумело. Пока им везет, но как долго это продлится? Следовало не оставлять группу в Столице, надо было вновь обратиться к дяде Сэму. Свое дело ребята сделали, пусть Казим-бек присылает других, более опытных и подготовленных. А может, следовало начинать не со Столицы, создать базу где-нибудь в Париже, постепенно налаживая контакты с подпольем? Ведь действует же неуловимая «Вандея»!..

…Вначале он увидел розовую полоску над горами. Не на востоке, откуда через несколько часов должно было взойти солнце – на северо-западе. Чиф поспешил толкнуть спавшего рядом Валюженича и молча указал на медленно расползавшийся по небу огонь. И тут горы дрогнули. Зашумели потревоженные камни, земля загудела, задрожала… Тянулись секунды, все стихло, лишь зарево над горами поднялось еще выше, начиная медленно белеть. Лю Вэйцзян, так и не заснувший в эту ночь, подошел ближе.

– Черт! – Валюженич разворачивал карту, подсвечивая себе фонариком. – Вулкан, что ли? Хотя какой вулкан на Тибете!.. Если бы я был дома, то решил,

что взорвался наш анилиновый комбинат.

– Это Пачанг, – тихо ответил товарищ Лю.

Да, зарево поднималось на северо-востоке. Правда, помудрив с картой, Валюженич решил, что взрыв, если, конечно, это был взрыв, а не внезапно проснувшийся вулкан, случился южнее города, километрах в тридцати.

– Там горы, – Тэд постучал пальцем по карте. – Остается грешить на местных духов…

К полудню следующего дня отряд поднялся на ровное горное плато. Здесь царил холод, весна, завоевавшая долины и предгорья, остановилась перед этими склонами. Всюду лежал снег. Пришлось натягивать шапки на самые уши и застегивать куртки на все крючки. Только яки, защищенные мохнатыми шубами, чувствовали себя превосходно. Холод подгонял, бойцы шли быстро, надеясь поскорее миновать ледяное царство.

Первым шум мотора услыхал Лю Вэйцзян. Он недоуменно остановился, затем резко крикнул, отдавая команду. Бойцы уже срывали с плеч винтовки, Чиф замешкался, но через мгновение до него донеслось мощное ровное гудение. Самолет!

Косухин упал в снег, сжимая в руках скрайбер. Машина шла низко – большая, ширококрылая, непохожая ни на одну из известных Чифу моделей. Он успел подумать, что надо взглянуть на опознавательные знаки, и тут ударил пулемет. Очередь прошла совсем рядом, разбрасывая снежную пыль…

Машина уходила на новый разворот. Вокруг трещали выстрелы – бойцы открыли огонь, но попасть в летящую цель было трудно. Новая очередь, еще одна… Самолет вновь развернулся, теперь он летел низко, над самыми головами. Краешком сознания Косухин заметил черную семерку на фюзеляже и чистые, без опознавательных знаков, крылья.

…Им не уйти. Здесь, на ровном месте, отряд перебьют – постепенно, одного за другим. В крайнем случае летчик вызовет подмогу, еще одного ширококрылого с

полным боекомплектом. Чиф услыхал голос Лю – командир напоминал бойцам правила стрельбы по низко летящим целям. Сейчас самолет вернется… И тут Косухин вспомнил о скрайбере. Ведь у него есть оружие! Бойцы отряда пошли в тысячекилометровый поход, чтобы защищать его, Джона Косухина, а сам он предпочитает отсиживаться за камнями или просто лежать в снегу! На миг стало стыдно, но пальцы уже снимали скрайбер с предохранителя. Автоматический режим, прицел…

Самолет вынырнул из-за скал. Загорелась лампочка автоматического прицела, в небо ударил острый белый луч… Мимо! Самолет прошел над самой землей, огрызаясь свинцом, но Косухин успел перевернуться, вновь ловя цель в окуляр. Лампочка вспыхнула. Есть! Острый луч догнал врага, полоснул по крылу… Чиф затаил дыхание. Самолет, вильнув в сторону, начал заваливаться влево. На миг показалось, что летчик все-таки сумеет справиться, выровнять машину и уйти, но тут самолет дернулся, его крутануло в воздухе, бросило вниз, на покрытые снегом камни…

Взрыв ударил по барабанным перепонкам. Бойцы, вскочив, размахивали винтовками, некоторые уже бежали вперед, туда, где дымились черные обломки.

– Ну, Джон! – Валюженич качал головой, отряхивая снег со своей видавшей виды кожаной куртки. – С тобой лучше не связываться!

– Товарищ Хо, я так и знал, что вы его срежете! – одобрительно заметил товарищ Лю. – Здорово!

– Да при чем здесь я! – устыдился Чиф. – Вы его с первого выстрела достали бы. Это же скрайбер…

Теперь бойцы посматривали на Косухина с восхищением. Они-то хорошо понимали, как трудно попасть в летящий самолет. Но у них не было скрайберов, и Чиф чувствовал себя почти самозванцем.

Лю Вэйцзян, подождав бойцов, осматривавших сбитую машину, приказал двигаться вперед, к темневшим вдалеке скалам. Плоскогорье кончалось, дорога вновь ныряла в каменный лабиринт. Разговаривать было некогда, и Косухин был рад возможности остаться наедине. Чувствовал он себя скверно. Да, Чиф помог

товарищам, может даже спас их, но убил человека! Стрелять приходилось и прежде, но в суматохе боя невозможно определить, чья именно пуля попала во врага. Теперь же сомнений не было. Но ведь он прибыл на Землю не для того, чтобы сбивать самолеты! Конечно, ни Бен, ни отец, ни сам Президент Сэм не осудят его, но…

Где-то через час отряд достиг ближайших скал и нырнул в узкое ущелье. Дорога вновь пошла резко вверх, впереди был перевал – последний, откуда начинался спуск на равнину. Опасность, казалось, миновала, можно было не торопиться, не поглядывать каждую минуту в предательски чистое безоблачное небо.

На ближайшем привале, когда Чиф допивал кружку ароматного зеленого чая, Лю Вэйцзян его в сторону. Вид у командира был хмурым и озабоченным.

– Товарищ Хо! Бойцы нашли это в кабине…

«Это» оказалось обгоревшим удостоверением. Чиф осторожно раскрыл хрупкую, пахнувшую гарью обложку.

«Лейтенант Сомов Иван Иванович… Особая Южная группа войск…» Косухин уже собирался вернуть трофей, когда до него дошло.

– Он русский? Советский? – торопил товарищ Лю.

– Да, – с трудом выдавил из себя Косухин. – Лейтенант Красной Армии. Какая-то Южная Особая группа войск.

– Не понимаю… – впервые за эти месяцы Чиф увидел Лю Вэйцзяна растерянным. – Товарищ Хо, вы ведь тоже из России! Разве на Тибете есть части Красной Армии?

– Я не из России…

Об этом они ни разу не говорили. Личность «товарища Хо» не подлежала обсуждению.

– Я русский, но не из России… Насколько мне известно, части Красной Армии на Тибете стоят. Они защищают Шекар-Гомп…

– Но почему? – выдохнул Лю. – Они же наши союзники!

Что ответить? Лю Вэйцзян, командир китайской Красной армии, не был искушен в высшей политике. Для него Советский Союз и «непобедимая Рабоче-Крестьянская» были надеждой трудящихся всего мира…

– Войска, что стоят на Тибете, не подчиняются советскому правительству. Я не знаю, что им нужно и кто ими руководит. Для этого мы с вами и забрались в эту даль.

Лю подумал и кивнул:

– Так точно! Кажется, понял… Смотрите, товарищ Хо, это я нашел в ущелье, после боя.

…Что-то маленькое, блеснувшее красной эмалью. Чиф всмотрелся. Звездочка, но не обычная, красноармейская, а какая-то странная. Вместо серпа и молота в центре находился непонятный знак, похожий на голубого паука.

– Снял с фуражки, – пояснил командир. – Это ведь не эмблема русской Красной Армии? Я показал звездочку товарищу Гао, он бхот, как раз из мест неподалеку от Шекар-Гомпа. Товарищ Гао говорит, что видели такие – у бандитов, которые выселяли их еще в двадцатых.

Чиф вспомнил рассказ отца. Тогда, в 20-м, в тибетских горах существовала Бхотская Трудовая коммуна, теперь – Особая Южная группа войск. Несколько дивизий, если верить краснолицему Волкову. Товарищ Лю, похоже, решил, что дело касается высших тайн революции, в которые ему вникать не положено. Но для бойцов «товарищ Хо» оставался русским, советским, посланцем всесильного Коминтерна. Что ж будет, когда они столкнутся с краснозвездными солдатами Шекар-Гомпа? Ведь каждому не объяснишь!

Подъем оказался труднее, чем думалось. Даже яки отказывались идти, пришлось снять часть груза, взвалив на собственные плечи. Господину Чжао теперь довелось идти пешком, что окончательно испортило ему настроение. Километр тянулся за километром, а дорога шла все вверх и вверх. Дышать стало труднее, в висках звенело, словно над отрядом крутился рой невидимой мошкары.

Наконец дорога выровнялась, скалы стали ниже, расступились, в лицо ударил сильный, сбивающий с ног ветер. Они были на перевале. Впереди, за белесой дымкой лежала неровная холмистая земля. Сверкнула серебристая гладь – озеро Комум-цо. Оно было у самого горизонта, но чистый воздух позволял разглядеть пологие берега и даже еле заметные точки у воды – дома, а может быть, пастушеские юрты. Тибет остался за спиной, впереди – предгорья, холмистая равнина, кольцо гор вокруг неприступного Пачанга. А дальше – пески Такла-Макана, за которыми лежит озеро Челкель. Чиф прикинул, что там сейчас, на месте бывшего эфирного полигона? Занесенная песками стартовая площадка, проржавевшие стальные конструкции, взорванные бункера? Или полигон вновь ожил, готовя к старту серебристые стрелы ракет?

– Товарищ Хо! Товарищ Хо!

В голосе Лю – тревога. Косухин обернулся.

– Смотрите!

Вначале Косухин ничего не заметил – мешала дымка, но затем понял. Над холмистой равниной летели самолеты. Отсюда, с высоты перевала, казалось, что они идут над самой землей. Три, четыре, семь… девять! Но что-то было не так. Чиф сорвал с пояса бинокль…

…Три больших самолета, многомоторные – транспорты или бомбардировщики, а сзади… Планеры! Десантные планеры, непривычно огромные, в каждый может поместиться целая рота!..

– Джон, ты видишь? – Валюженич подбежал поближе, держа в руках свой «цейс».

– Вижу, дядя Тэд… – Чиф опустил бинокль. – Нас хотят тут запереть. Скинут десант, перекроют выход на равнину…

– Может, они не по нашу душу? – неуверенно предположил археолог, но Косухин уже не сомневался. От строя отделился один силуэт, затем другой, третий. Планеры, получив свободу, начали скользить вниз, к подножию гор…

Сзади послышался знакомый гул. Такая же девятка летела над покинутым несколько часов назад плоскогорьем. Значит, десантники пойдут навстречу друг другу, чтобы встретиться как раз на перевале, покончив с надоедливыми врагами…

– Товарищ Хо! – Лю Вэйцзян был теперь не один, рядом с ним стоял проводник-тибетец. – Он говорит, что можно не спускаться на равнину. Тут есть тропинка, мы можем подняться немного выше и пройти горами…

– А что там?

Вопрос был лишним, карту он помнил. Белое, в цвет снегов, пятно: ледник – огромный, раскинувшийся на много дней пути… На какой-то миг стало страшно, но Косухин понял, что другого выхода у них нет.

Глава 4. Запретный город

– И как тебе не холодно, Джон?

Валюженич протянул руки к спиртовке, грея заледенелые ладони. Чиф пожал плечами.

– Очень даже холодно, дядя Тэд!

– Вы сегодня весь день шли без рукавиц, – проскрипел господин Чжао, заворачиваясь в густой мех огромной шубы. – Не смею вмешиваться, господин… красный комиссар, но так можно остаться без рук!

Косухин поглядел на свои ладони. Конечно, холодно, но не холоднее, чем дома, в Долине Больших Ветров.

– Не знаю… Наверное, привык.

Они шли уже четвертый день: Косухин, дядя Тэд, господин Чжао, красный командир Лю и семеро бойцов. Когда они ступили на холодный, предательски ровный лед, их было пятнадцать. Маленький отряд уменьшился почти на треть…

От перевала они поднялись по узкой тропе, едва сумев втащить наверх упирающихся яков. Где-то через километр дохнуло холодом – ледник был уже близко. Здесь пришлось разделиться. Яки не смогли бы пройти по леднику, да и теплой одежды хватало не на всех. Десять бойцов, прежде всего ханьцев, решили оставить здесь. С собою Косухин взял десять горцев, имевших опыт подобных походов, проводника и, после долгого спора, Валюженича вместе с товарищем Лю. Археолог категорически заявил, что не отпустит Джона одного, в чем Лю Вэйцзян оказался с ним полностью солидарен. В последний момент к группе примкнул господин Чжао. Франтоватый фольклорист переменил пальто и шляпу на более подходящее к случаю одеяние и безропотно вдел руки в лямки тяжеленного рюкзака. Винтовку все же брать не стал, ограничившись револьвером. Все остальные вооружились как следует, а товарища Лю с трудом отговорили прихватить с собой один из пулеметов.

Валюженич, бывавший в горах не один раз, заранее позаботился о темных очках. Запаса хватило для него самого, господина Чжао, Чифа и даже для Лю Вэйцзяна, который поначалу упорно отказывался от этого буржуазного изобретения. Остальные, горцы, с детства привыкли к безжалостной белизне.

Беда случилась в первый же день, под вечер. Проводник-тибетец, шедший первым, не учуял скрытой под снегом трещины и без звука исчез в черном провале. Спасти его было немыслимо, трещина уходила на неведомую глубину, куда не доставали веревки. Пришлось идти по компасу, утопая в снегу, вытаскивая друг друга из неглубоких ледяных расщелин. Отряд повел Валюженич, уверявший, что у него на опасности нюх. То ли американец действительно обладал каким-то шестым чувством, то ли ему просто везло, но отряд шел без потерь. Новая беда случилась на третий день, когда трое бойцов, все опытные горцы, вызвались сходить на разведку к подозрительному склону.

Все трое ушли под снег, холодная трясина затянула их за несколько секунд. Никто не даже не успел подбежать к погибающим, кинуть спасительную веревку…

Итак, их осталось одиннадцать, а впереди был долгий путь – не менее трех дней, если не обманывала карта. Поначалу Косухину казалось, что первым не выдержит он. На Тускуле приходилось ходить в зимние походы, но все же не по леднику и не по такому холоду. Однако Чиф шагал наравне со всеми, волоча рюкзак и скрайбер, и постепенно ему начинало казаться, что идти не так уж и трудно. Конечно, он уставал, под вечер плечи начинало ломить, ноги казались свинцовыми, но Джон видел, что остальным приходится еще тяжелее. Бойцы приуныли, почти перестали улыбаться, а на привалах тут же падали в снег. Хуже всего приходилось товарищу Лю, он умудрился обморозить лицо и теперь шел, закутавшись в шарф, вдобавок мучаясь жесточайшей простудой.

Пару раз Чиф ловил себя на странной мысли: с ним что-то не так. Конечно, он молод и здоров, но организм его реагировал как-то непонятно. Чем дальше, тем легче давались ежедневные переходы. Холод стал привычен, зато пропал аппетит, а ночами мучила бессонница. Еда и сон, то, без чего не может жить человек, казались теперь чем-то не особо важным.

…«Ты такой же, как мы!», – сказал краснолицый Венцлав. Еще недавно Косухин-младший просто посмеялся бы над этим…

– …Джон, ложись спать!

Голос Валюженича вывел его из задумчивости.

– Спать? – Чиф вдруг понял, что спать совершенно не хочется. – Я еще посижу, дядя Тэд.

Археолог возмущенно покачал головой:

– Нет здесь Стива! Ты что, решил себя заморить? Не ешь, не спишь, похудел…

Ладонь скользнула по лицу. Похудел? Пожалуй…

– Дома отосплюсь! Дядя Тэд, ты бы лучше рассказал что-нибудь.

– Нашел время! Вот приедешь ко мне в Индиану, сядем у камина, я достану фотографии… А то и мистера Арцеулова пригласим, он давно ко мне собирался.

– Это обязательно, – улыбнулся Чиф. – А сейчас… Расскажи о Пачанге.

Дядя Тэд пожал плечами:

– Я не специалист. Разве что господина Чжао попросим…

Он поглядел в сторону фольклориста, но тот уже дремал, завернувшись в мохнатую шубу.

– Ты говорил о каких-то легендах, дядя Тэд…

– Оу! – Валюженич засмеялся, откинувшись на рюкзак, служивший ему подушкой. – Это точно не ко мне! Но если в самом общем виде…

Он задумался, прищелкнул пальцами:

– О'кей… Легенды о Пачанге известны с XIV века, встречаются в некоторых текстах «Калачакра-тантры». В них сказано, что первым центром учения калачакры на Тибете был именно Пачанг. Там находилась главная святыня – мандала из чистого золота. В Пачанге правили цари из династии Кальки, младшая ветвь которой позже правила в знаменитой Шамбале. В общем, Пачанг был своеобразной священной столицей Тибета, но очень недолго. В XII веке какие-то очередные завоеватели, якобы посланные правителем преисподней, осадили город и начали штурм. Что характерно, другие правители – последователи калачакры, не оказали городу помощи. Тогда царь Калька – номера уже не помню – воззвал к небу, и город исчез. В общем, весьма напоминает известную русскую легенду о Китеже. Священный город исчезает, чтобы не достаться врагам, но туда можно попасть, если ты достаточно праведен. Естественно, находились оригиналы, которые утверждали, что видели Пачанг – то ли в небе, то ли в водах какого-то озера. Ну, это для господина Чжао…

Он поглядел в сторону спящего фольклориста и усмехнулся:

– Господин Чжао собрал целую библиотеку о Пачанге. А на самом деле все куда проще. Пачанг был одним из местных княжеств, погибших в ходе очередной драчки. В дальнейшем память о нем поддерживала сепаратистов, не желавших подчиняться Лхасе. А подробности следует поискать в местной библиотеке, а заодно осмотреть окрестности…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/valentinov_andrey/orfey-i-nika

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити